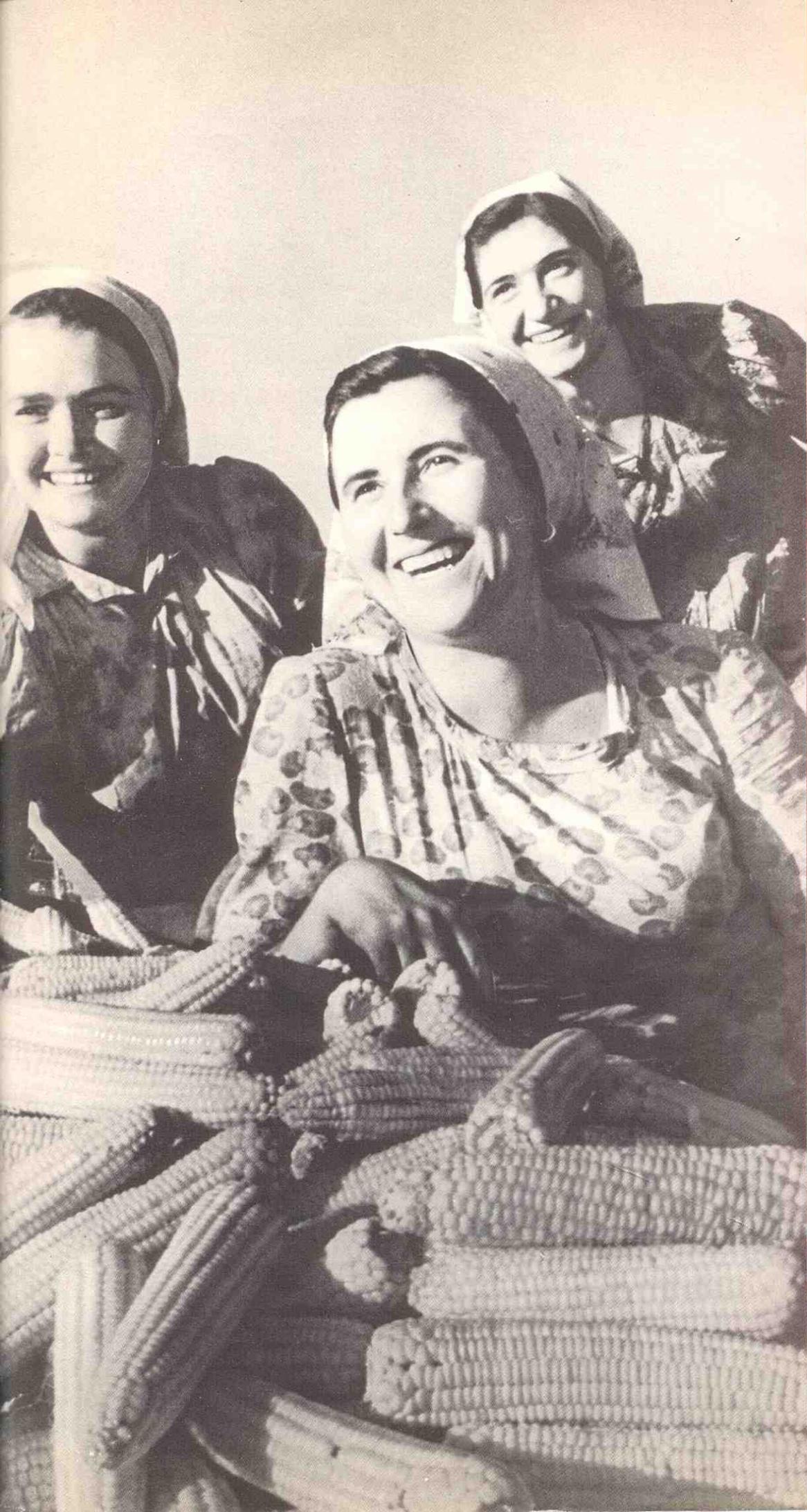

КРЕСТЬЯНКА
№ 11 НОЯБРЬ 1963

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 11 НОЯБРЬ 1963

42-Й ГОД ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Живут в Тернопольской области, в колхозе имени Котовского, Подволочисского производственного управления, три Анны—члены комсомольско-молодежного звена, борющегося за звание коллектива коммунистического труда.

У молодых колхозниц хорошее настроение—их труд окупился сторицей. С каждого из 50 гектаров получено по 75 центнеров кукурузы в початках.

Напряженная работа не мешает девушкам успешно учиться. Все три Анны—заочницы сельскохозяйственного техникума.

На снимке: кукурузоводы Анна Олийнык, Анна Рий и Анна Гурии.

Фото Б. Шендлера (ТАСС).

В ТРУДЕ —

БЕССМЕРТИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Кто не работает, тот не ест». Прислушаться — в этих словах звучит строгое и даже суровое эхо тех штормовых дней, когда рабочий люд страны сбросил с престола жирных захребетников — коронованных и самородных, пришлых и доморожденных. В заповеди «кто не работает...» ее безымянные авторы, борцы за справедливость, выразили накопившийся гнев против эксплуататоров чужого труда и приговор им.

Революция привела приговор в исполнение. В России не стало фабрикантов, помещиков, банкиров, исчезла частная собственность на средства производства, а с ней и трудовое угнетение. А революционная заповедь, о которой мы говорим, осталась жить. В ней вместились нечто большее, чем лозунг момента. Еще в 1918 году Владимир Ильич Ленин подчеркивал, что жесткая по виду формула «кто не работает, тот не ест» содержит в себе принципиально новую положительную программу построения общества. «В этой простой, простейшей и очевидной истине, — писал тогда Ильич питерским рабочим, — основа социализма». Та самая основа социализма, которую определяет и еще одно непреложное правило: «каждому — по труду».

Труд всегда, во все времена был главным двигателем истории. Все, чего достигло человечество, создано трудом тех четырехсот миллионов человек, которые жили на планете. В труде смысл человеческой жизни. «Коммунизм и труд — неделимы, — говорит Н. С. Хрущев. — Великий принцип «кто не работает, тот не ест» будет действовать и при коммунизме, на деле станет священным принципом для всех... В труде раскрываются способности и таланты людей, гений человека, в труде — бессмертие человечества». Думая об этом, каждый раз заново поражаешься чудовищной несправедливости в расчете за труд, несправедливости, которая сопровождала всю историю классового общества, а в буржуазных странах процветает и поныне.

Современный капитализм с его изощренными формами эксплуатации лишает рабочего большей доли вознаграждения. Подсчитано, например, что в таком высокоразвитом государстве, как Соединенные Штаты Америки, 80 процентов времени рабочий трудится на хозяина, и только за 20 процентов выполненной работы он получает оплату. Этот факт разительно показывает, что один технический прогресс, без социальных переустройств, не может смягчить противоречий капиталистического строя, не может подвести к «классовому миру», как мечтают буржуазные идеологи.

Отказывая трудящемуся в правильной, справедливой оплате труда, «сильные мира» во все времена старались принизить и моральную оценку физического труда, не заслуживающего якобы уважения. В руках правящих классов были командные рычаги пропагандистской машины, которая в изобилии сеяла зловонную мораль, провозглашавшую труд уделом простолуодино, предназначенным служить представителям белой кости и голубой крови. Умение загребать жар чужими руками считалось признаком «сильной личности». Только благородным воздействием самого труда можно объяснить тот замечательный факт, что эта захребетническая мораль всегда встречала отпор людей, знакомых с упоением работой, со счастьем творчества. Однако в сознании некоторых надолго остаются

занозы эгоистической буржуазной морали. Они дают себя чувствовать в примерах халатной работы, службистского безразличия к делу, а порой и в попытках прямого уклонения от труда. Старая мораль уступает место новой не без сопротивления, но уступает навсегда, потому что жизнь вокруг изменилась в корне.

При социализме труд — причем любой — впервые стал подлинно уважаться. За него в нашей стране и в других социалистических странах присваиваются высшие правительственные награды, чего нет ни в одном капиталистическом государстве. За доблестный труд героям воздвигаются памятники при жизни. Памятник пастуху или доярке! Когда, где это было видано? Наконец, самое главное, возможность заслужить трудовой почет советский строй открыл для каждого. «Граждане Советского Союза имеют право на труд», — записано в нашей Конституции, и гарантия этого подтверждается полным исчезновением безработицы, столь характерной для капиталистического мира, где тысячи людей с потерей места остаются без всяких средств к жизни.

Вместе с предоставлением каждому права на труд социализм впервые ввел принцип справедливой оплаты: «Каждому — по труду». В последние годы в нашей стране уделялось особенно много внимания материальной заинтересованности людей в результате работы, установлению соразмерности труда и вознаграждения. Выросла зарплата малоквалифицированных рабочих, упорядочение оплаты коснулось многих и многих специалистов. Одним словом, справедливое вознаграждение за честный труд стало обыденной нормой. Однако до самого последнего времени мы как-то упускали из вида другую сторону дела: должное воздаяние тем, кто увиливает от общественного труда, живет за счет запрещенных махинаций, промыслов и всякого рода частных, но далеко не честных доходов. В селе к охотникам легкой жизни относятся «шабашники», промышленящие частным строительством, самогонщиками, перекупщики продуктов, спекулирующие ими на рынке, браконьеры и т. п. Они часто пользуются всеми льготами, установленными для колхозников, но уклоняются от артельного труда и разлагают дисциплину. Терпимость к этому паразитизму равносильна потворству и только на руку трутням. А между тем руководящий принцип социализма — «каждому по труду» — распространяется на всех, и для применения к туеядцам как раз годится его самая воинственная, рожденная борьбой за социализм формула «кто не работает, тот не ест».

Горстка дармоедов, конечно, не может бросить тень на всю нашу большую трудовую семью. Грязное к чистому не пристанет. Но нам совершенно ясно, что и малочисленные сорняки, оставшиеся еще на нашем социалистическом поле, должны быть выполоты.

«Праздная жизнь не может быть честной», — писал Антон Павлович Чехов. При советском строе это справедливо вдвойне. В своем продвижении к коммунизму наше государство постепенно вводит бесплатное распределение общественных благ среди граждан. Уже сейчас каждый человек в стране, помимо индивидуального заработка, пользуется ассигнованиями из так называемого общественного фонда потребления, который распределяется между всеми, независимо от доли личного труда. В настоящее время из общественного фонда потребления оплачиваются все виды образования, включая высшее, пенсии по старости и нетрудоспособности, отпуска для рожениц, медицинское обслуживание, от 70 до 90 процентов стоимости содержания детей в детсадах и яслях, содержание санаториев, домов отдыха, расходы на библиотеки, клубы, дворцы культуры и т. д.

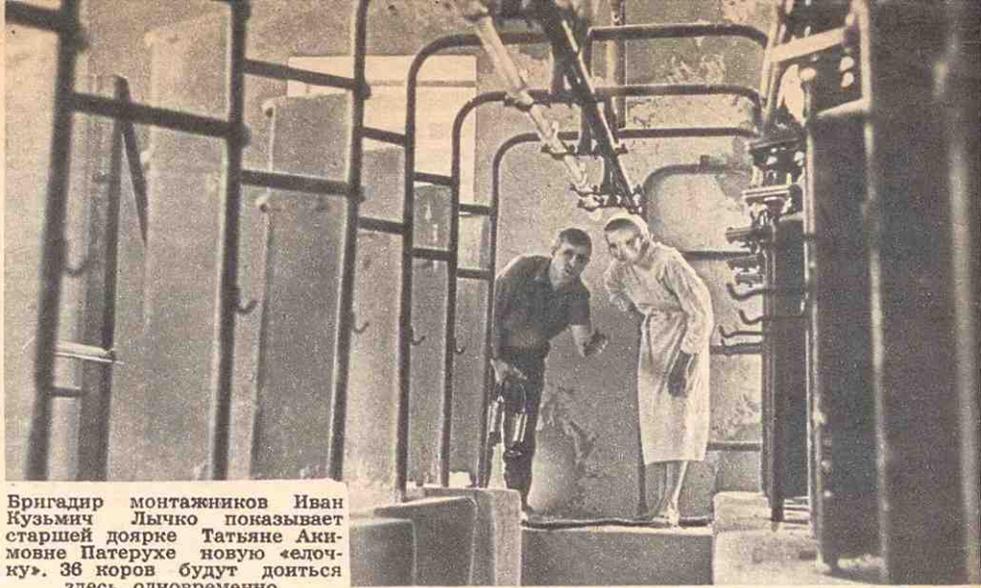
В целом льготы и выплаты из общественного фонда составляли в 1940 году 4,2 миллиарда рублей, в 1960-м — уже 24 миллиарда рублей, а в 1965 году достигнут 40 миллиардов рублей. Это четвертая часть всех доходов трудящихся.

Общественный фонд, как все на свете, создается трудом, и ясно, что туеядцы не вносят в него ни полушки, однако черпают из коллективного котла полной ложкой. За чужой счет они лечатся, учатся, воспитывают детей, отдыхают и развлекаются. Они, таким образом, эксплуатируют всех, кто честно работает, и чем дальше — тем заметнее, потому что общественный фонд, как указывалось, быстро растет. Вот почему нельзя медлить с пресечением скрытого воровства, с борьбой против лежебок и проныр.

Истину «кто не работает, тот не ест» Владимир Ильич Ленин недаром называл практической заповедью социализма. Ленинская мысль состояла в том, что при социализме каждый должен чувствовать себя хозяином и инспектором жизни.

В. МОЕВ

Шаг в будущее

Бригадир монтажников Иван Кузьмич Лычко показывает старшей доярке Татьяне Акимовне Патерухе новую «едочку». 36 коров будут доиться здесь одновременно.

В солнечный июльский день на переполненном, празднично украшенном стадионе кубанской станции Каневской состоялось необычное торжество — вручение станичному колхозу «Победа» красного знамени и свидетельства о присвоении звания «Колхоз коммунистического труда».

Вот в этот колхоз и лежал мой путь.

Предстоящая встреча очень волновала меня. Какой он, этот колхоз, заслуживший столь высокое звание? Что там за люди? Как работают? Как живут? Какие черты нашего коммунистического завтра отличают «Победу» от других передовых хозяйств? И, признаться, одолевало раздумье: может ли такая большая артель быть уже сегодня коллективом подлинно коммунистического труда? Конечно, колхоз «Победа» — крепкое, оснащенное передовой техникой хозяйство. У него свыше 20 тысяч гектаров земли, плодовые сады, виноградники, а годовой доход нынче — почти 5 миллионов рублей (в новых деньгах). Но ведь не только на этих признаках основывается наше представление о коммунистическом укладе жизни. В «Победе» три тысячи трудоспособных — три тысячи разных по характеру, по воспитанию людей. Неужели же там каждый и в самом деле отвечает созданному нами образу человека коммунистического завтра?..

«ЛУЧШИЙ ПУТЬ — НАСТУПЛЕНИЕ»

Илья Алексеевич Мурзов, секретарь партийной организации «Победы», смеется:

— И такие разговоры были. Не спешите ли, мол, братцы? Неужели все три тысячи ваших колхозников без единого пятнышка?

Лицо его становится серьезным, и он говорит:

— Это, безусловно, не так. Люди с «родимыми пятнами» прошлого у нас, к сожалению, пока имеются. Всякое еще случается... Но не эта часть коллектива задает тон нашей жизни, а другая. Те, о которых можно сказать словами поэта Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей...» И мы, коммунисты «Победы», рассудили: не ждать, когда у людей «родимые пятна» исчезнут, а наступать! И вот передовая часть наших колхозников во главе с коммунистами двинулась в поход против этих самых «родимых пятен» и на производстве и в быту. Пра-

во же, мудрено изо дня в день работать локоть к локтю с хорошими людьми и не перенять от них хоть часть их качеств. За два с половиной года борьбы за почетное звание наш отряд ударников коммунистического труда с десяти человек вырос до четырех сотен, причем три участка носят это звание всем коллективом. Это первая полеводческая бригада, седьмая животноводческая ферма и зveno утятницы Марии Акимовны Захарчевской. А звание это заработать непросто: его присваивает сам народ. Разве не приятно, когда за твой честный труд, за достойное отношение к товарищам по работе, к общественному делу, к семье тебя на общем собрании чествуют твои же соратники и с почетом вручают заветную книжечку! Это поднимает человека.

Илья Алексеевич взволнованно прошелся по комнате.

— Какая цель коммунизма? Счастье человека. Чтобы труд был для него не каторгой, а жизненной потребностью. Чтобы полной чашей пил он радость жизни. Но для этого нужна материальная база. И люди поняли это. При любых погодных условиях наши хлеборобы

ежегодно собирают с полей высокие урожаи. В этом году, например, «Победа» дала Родине свыше миллиона пудов зерна. Кроме того, трудящиеся получают от нас 14 тысяч центнеров мяса, свыше 36 тысяч центнеров молока, огромное количество фруктов, винограда, овощей. Зато и доход колхоза высок, зато, помимо оплаты труда, колхоз может тратить большие суммы на культурные и бытовые нужды колхозников.

Помолчав, Мурзов добавил:

— Конечно, не все у нас блестяще, даже в хорошем, вероятно, есть недостатки. Но ведь мы и не собираемся успокаиваться. Оказанная нам честь открыла людей, мы приняли ее как веру в наши силы, в наше твердое намерение идти дальше.

ЧЕРТЫ ЖИВЫЕ, ЗРИМЫЕ...

Я живу в «Победе», и с каждым днем тает во мне чувство настороженности, сменяясь жгучим интересом. С каждым днем все то, о чем рассказывал секретарь колхозной партийной организации, принимает зримые черты.

Вот иду по станции — и снова и снова,

Совет бригады № 6 проверяет работу МТФ.

как в час приезда, радостное изумление не покидает меня: когда-то я была в этой станице — сейчас я не узнаю ее.

В моей памяти встают бесконечные, путаные, похожие одна на другую улицы, размытые осенними дождями. Нигде ни огонька. Крепко заперты калитки дворов, наглухо закрыты ставни: сосед отгораживался от соседа, от чужого взгляда. Хмурую, слепую тишину нарушал лишь злобный собачий брех, возникавший то в одном, то в другом конце станицы.

А сейчас по широким асфальтированным улицам бойко снуют машины, авто-

В бригаде № 3 построена из сборного железобетона траншея для жема. Теперь ценный корм будет в сохранности.

бусы. На просторной площади вокруг нарядного цветника выстроились магазины — честное слово, не хуже городских! Один из них — бакалея — торгует без продавцов. Мелькают тележки с газированной водой, книжные, газетные киоски.

Где-то в стороне гудят самоходные катки: асфальт «пробивается» из центра к станичной окраине. На одной из улиц движение перекрыто: роют траншею для прокладки газовых труб — неподалеку открыто месторождение природного газа...

Я долго не могу оторвать взгляда от высокого белоснежного здания поликлиники. Любуюсь залитым солнцем стадионом, его ровным зеленым полем, трибунами. Это строила «Победа», украшая свою станицу. И Дворец культуры и средняя школа построены ею же.

Но вот центр позади. Передо мной тихие просторные улицы, может быть, те самые, которые я видела когда-то. И не те... В густых ветвях топей и шелковиц гудят провода, и могучий голос радио передает станичникам последние новости. То тут, то там в зелени старого сада солнце играет в стек-

лах прозрачной верандочки нового дома, а во дворах под тенью дедовской груши поблескивает лаком мотоцикл, а нередко «Москвич» или «Победа»...

Вечерет. Со всех сторон к станице подкатывают запыленные, пропахшие спелым зерном, яблочным и дынным духом грузовики — привозят людей с токов, бахчей, виноградников... Трудовой день окончен. И как только опустятся сумерки, на центральной улице вспыхнут матовые шары электрических фонарей, и деловой, будничной шум ее сменится молодым смехом, веселым говором: улицу заполняют гуляющие. Гуляют парами, гуляют семьями в ожидании начала сеанса в кино.

— А чего же не погулять часок? — вспоминаются мне слова пожилой колхозницы, с которой я как-то разговаривала на одном из таких гуляний. — Молодежь — та больше в парк, на танцевальную площадку. Ну, а кто постарше, — в кино. День поработали на совесть, поужинали — и вольные казачки. Колготы с курами немного, а коров у нас в станице почитай никто из колхозников не держит. Колхоз продает нам и молоко и мясо по своей цене. Да и не все стряпают дома, добрая половина в колхозных столовых питается — их у нас больше двадцати, в каждой бригаде. К примеру, моя семья, все работаем, все в столовой и харчуемся. И с горшками не возиться, и дешево — обед из трех блюд тридцать две копейки, — и вкусно: практику наши повара в ресторанах проходили.

Она говорила об этом просто, как о самом обыкновенном, привычном, и была на приветливом лице ее, в веселом голосе та безотчетная уверенность, какая бывает у людей, спокойных за свой завтрашний день.

Мне не надо было гадать, откуда эта уверенность. Об этом говорила сама жизнь колхоза.

Ежемесячная оплата труда — она здесь 60—80 рублей в месяц — гарантирована специальным фондом. Ежегодные — от 14 до 24 дней, в зависимости от исполняемой работы, — оплачиваемые отпуска. Один раз в два года каждый член коллектива имеет право на бесплатную путевку в дом отдыха или санаторий. Оплата больничных листов. Пенсия по старости. Для женщин четырехмесячные отпуска по беременности с сохранением средней оплаты. И ни одна мать, которая может и хочет работать, не получает отказа в приеме ее малыша в ясли или детсад: они есть в каждой бригаде, удобные, просторные, любовно построенные руками колхозных мастеров. А на берегу Черного моря приютился колхозный пионерский лагерь. Впрочем, там на месте палаточного городка уже вырос большой, красивый корпус, и с осени до весны, на время учебы ребят, он будет домом отдыха для колхозников и колхозниц «Победы».

Все это результат труда коллектива.

МУДРЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Когда «Победу» посетили зарубежные гости — американские фермеры из штата Виргиния, — они долго и придирчиво осматривали хозяйство. Его размах, богатство, высокие доходы явно удивили гостей. Особенно поразила их культура земледелия.

— Такое грандиозное хозяйство... Кто же наблюдает, контролирует качество работ? — поинтересовался один из гостей.

— Колхозники, коллектив, — отвечали побединцы. — Конечно, есть у нас и бригадиры и специалисты, но самый надежный глаз — это мы сами. Народ. Дело-то ведь наше!

Это началось сразу после XXII съезда КПСС. В «Победе» собрались коммунисты, актив. Крепко вдумались в решения партии, в каждое слово волнующего

Врачи и сестры колхозной поликлиники.

исторического документа — принятой съездом Программы Коммунистической партии Советского Союза. Еще и еще раз тщательно обсудили стиль своей работы, жизни. Мысленным взором прошли по колхозным владениям... Целая республика!

И разве ж правление — полтора десятка людей, пусть самых наитолковейших, — в состоянии охватить все?

Теперь бригадиру и самому чудно вспомнить, как бегал он когда-то от участка к участку, разрываясь между свеклой, кукурузой и подсолнечником. Там плохо прополото, здесь и вовсе оставлен целый заросший сорняком клин. Бригадир обрушивал на виновных громы и молнии, а иногда виновных и вовсе не находил: Иван кивал на Петра, Петр — на Игната. А остальные про-

Если ты еще не обзавелся собственным домом — к твоим услугам благоустроенные общежития.

сто отводили глаза в сторону: не мое, мол, дело, ты бригадир, ты и управляйся, как знаешь.

И правленцам кажется сегодня странным, что им приходилось заниматься, скажем, распределением путевок в санатории. Или вместо того, чтобы отдавать время и силы решению серьезных общеколхозных задач, разбирать жалобу Сидориной на Федорихину, которая на почве кровной мести за подошную курочку пришибла поленом сидорихинского кочета...

Теперь того нет и в помине. Вот уже два с лишним года к участию в управлении всеми делами пришла общественность. Начало ей положила идеологическая комиссия, созданная партийной организацией из самых достойных, уважаемых в колхозе людей.

Нынче «дело о курях» не встанет на повестке дня правления. Его разберет товарищеский суд. Пламя семейной ссоры по-хорошему, по-умному потушат в женсовете. Нахулиганившего спьяну пар-

ня возьмет в работу совет народной дружины. Есть здесь совет рационализаторов, совет ударников коммунистического труда, совет клуба, совет редакции — в колхозе выходит печатная многотиражка. Но главная опора правления — это советы бригад, а у животноводов — совет фермы.

Совет — это мозг, хозяйский глаз и совесть бригады. Его представляют семь — девять колхозников и колхозниц, которых по своему усмотрению избирает данный коллектив. На год. Через год половина обязательно заменится другими: пусть каждый приучается быть хорошим хозяином, привыкает разбираться в экономике. Это не просто общественная работа. Совет бригады — коллективный орган руководства бригадой. Он полностью отвечает за всю хозяйственную деятельность бригады, за выполнение плана, хозрасчетного задания. Бригада должна вовремя дать колхозу запланированную ей продукцию и получить за это не только определен-

ную по плану же сумму на оплату труда, но и 20 процентов дополнительной оплаты — за качество или перевыполнение плана. Зато за погубленный из-за невнимания посев, испорченный по небрежности инвентарь и другие подобные деяния правление колхоза не только скостит с бригады надбавку, но и удержит соответствующую сумму из бригадного фонда зарплаты. И это научило людей быть нетерпимыми к лодырю, бракоделу: кому же охота из-за чьей-то недобросовестности терять заработанное честным трудом?!

И горе бракоделу. Широка спина бригады, но спрятаться за ней ему не удастся. В бригаде каждый шаг работника на виду, и коллектив не станет молчать. Он заставит такого «героя» уважать народный труд, колхозную копейку. По требованию бригады совет на первый раз вынесет ему общественное порицание, на второй — выговор. А если не поможет, то и попросит вон из бригады. Дело серьезное: в другую бригаду могут не принять, а уйти из «Победы»... да кто ж из такого колхоза захочет уходить? Глядишь, одумался человек, стал работать честно.

В одной из бригад молодой тракторист, прогуляв ночь, крепко заснул за рулем и заехал куда не надо, помял машину, сломал плуг. Прежде собригадник, вероятно, и внимания бы на это не обратил: машина-то и плуг колхозные! Да и набедокуривший не больно бы тревожился: поругают в правлении — и все дело. А тут — стоп! С какой же это радости за гуляку будет расплачиваться бригада? Пришлось виноватому возмещать убыток самому.

Но можно быть хорошим работником и плохим человеком: не уважать общественного порядка, безобразно вести себя в семье... Зачастую пробуют такого человека совестить, увещавать — никакого результата. Побоятся — и бросят. Ну что, мол, с дураком поделаешь? Достукается до преступления, сядет — вот мы от него и избавимся.

В «Победу» поступают иначе. Я не буду называть имен, все эти люди сейчас исправили свои ошибки, вернули уважение товарищей. Был, например, в одной бригаде учетчик. По своему делу дока: не уступал бухгалтеру. Но пил. И во хмелю распоясывался, семью просто извел. Его сначала повестили и увещавали. Когда же это не помогло, совет бригады вынес решение: перевести такого-то на 6 месяцев из учетчиков в разнорабочие, поставить скирдовать солому, зарплату соответственно снизить.

Ох, как взвился наш учетчик! Его, квалифицированного работника.. Но коллектив был непреклонен: шесть месяцев выполняй любой наряд бригадира, а там посмотрим, бросишь ли ты свои привычки или будешь продолжать распоясываться. Однако хватило шести месяцев.

Что учетчик! За такие же художества шесть месяцев отходил в разнорабочих опытный, с высшим образованием агроном. А выдержав срок, искренне поблагодарил своих учителей за науку.

И все же это «ЧП» — чрезвычайные происшествия. В ином университете ежедневно, ежечасно проходят люди чудесную науку жить и работать по-коммунистически. Этот университет — живой, личный пример самих учителей.

Детские сады и ясли есть в каждой бригаде.

Библиотека колхоза «Победа» по количеству книг соперничает с любой районной.

В ХОЗЯЙСТВЕ УТЯНИЦ

Мы сидим на берегу степной реки Челбасы, где вольно раскинулось хозяйство утятниц — молодежного звена коммунистического труда. Слава о замечательной его работе идет по всему краю. Веками шумевшие здесь камышом плавни за четыре года звено превратило в доходное колхозное предприятие. При самых малых затратах оно произвело в 1960 году 45 тонн птичьего мяса, в 1961 — 85, а в 1962 — 97 тонн! И если по колхозу себестоимость центнера мяса составила 60 рублей, то в звене этот же центнер обошелся в 38 рублей 50 копеек. От маленького этого коллектива советские люди получают в нынешнем году к своему столу 100 тонн утятин: больше 50 тысяч уток выращено на этом берегу.

Их восемь: семь юных комсомолок и шестидесятитрехлетняя их звеньевая Мария Акимовна Захарчевская — Акимовна, так ласково зовут ее девочки.

— А чем же мы не молодежное звено? — убежденно говорит серьезная, рассудительная Алла Ольшанская, комсорг звена. — Да наша Акимовна моложе молодых. Побежит — не догонишь, а начнет с нами спивать — голосистой всех.

Невысокая, худощавая, легкая на ногу — и впрямь, как молодая! — Мария Акимовна от души смеется.

— Это потому, девоньки, что труд люблю. Сызмальства без труда не живу. Мне вон колхоз пенсию определил персональную — шестьдесят рублей в месяц. Много, мол, ты, Акимовна, на колхоз потрудились, теперь отдыхай. А я не хочу еще отдыхать. Стареть не хочу. Как посмотрю на некоторых своих сверстниц, что на пенсию ушли, только головой качаю. Расплылись от безделья, идут — задышка берет. «Эх,

говорию, — ты бы, кума, в степь пошла, поработала!» «Хорошо, — говорит, — тебе балакать, ты здоровая, а я хвораю...» «Так потому, — говорю, — ты и хвораю: только и делаешь, что бока отлеживаешь».

Девчата помирают со смеху — так ловко представляет Акимовна «хворых» кумушек. Семь пар глаз — синих, карих, серых — смотрят на нее с немим обожанием.

Удивительная дружба связывает старую звеньевую с молодыми ее подопечными. Все они пришли к ней прямо со школьной скамьи: из седьмого, восьмого, десятого классов. Пришли не на легкое «от безделья рукоделье», а на беспокойную, трудную работу: из беспомощных, подверженных тысяче бед желтых живых комочков выращивать важных, увесистых уток. Девчата могли пойти в сады и виноградники: там работать куда спокойней, вольготней, — а вот поди ж ты, как приворожила их Акимовна! Может быть, это было обаяние трудовой славы: ведь Акимовна была в числе первых, кого народ почтил вручением заветной книжечки ударника коммунистического труда. А может быть, потому, что сумела Акимовна научить их на малом, казалось бы, участке делать большие дела...

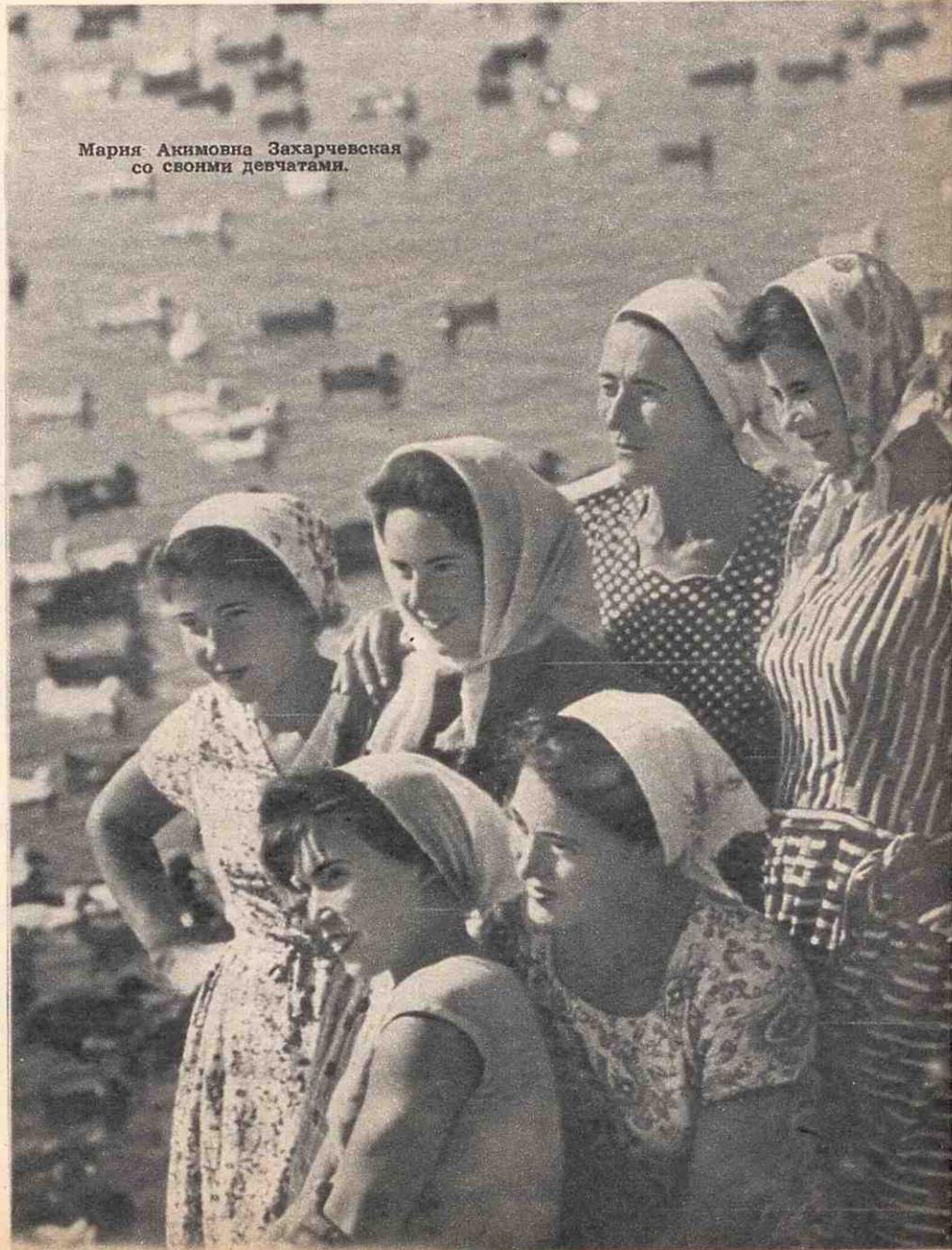
Клуб стал для станичников любимым местом отдыха.

* * *

Современный рейсовый, дальнего следования автобус увозит меня из Каневской. Я долго смотрю в окно, где в туманной знойной дымке тают контуры станицы. Но мои мысли все еще там. Я знаю: мне выпало счастье видеть шаг в будущее — видеть рождение завтрашней нашей деревни. Как же прекрасна будет ее зрелость!

Т. НОВИКОВА

Фото А. ГЕРИНАСА.

Мария Акимовна Захарчевская со своими девочками.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Всем нам памятно то собрание. Страсти накалялись. Уже не с трибуны, а прямо с мест выступали колхозники, перебивая друг друга.

Из присутствовавших в зале разве что председатель сельсовета Алексей Васильевич Романов был внешне спокоен. Он внимательно слушал горячие речи, порой что-то записывал в блокнот. А из зала несло:

— Почему тресту сноили на пятнадцать гектарах?!

— Где те деньги, что были обещаны на трудоводни?!

— Зима в разгаре, а кормов в обрез...

Шло, словом, отчетно-выборное собрание одного из недавно укрупненных колхозов. Объединились в него хозяйства, которые из года в год числились в отстающих.

На трибуну поднялась колхозница Прасковья Сергеевна Овчинникова.

— Подвели сегодня бухгалтерию,— начала она.— Стыд и срам один! Будто не на своей земле трудимся. Ругают здесь председателя и правленцев. И поделом. Ну, а мы-то сами? Все ли берегли общественное добро? И не по нашей ли вине лен под снегом остался? Вот ты, Владимир Никанорович! Не оглядывайся по сторонам, Буйцов, о тебе речь. Здорово ты колхозные порядки критикуешь! А спросить тебя, когда ты последний трудоводень заработал? Не при царе ль Горохе? А ты, Блинова Александра, ты, Ромашова, что на такой вопрос ответите?

Долго и горячо говорила Прасковья Сергеевна. И пусть не очень-то складно, но самую суть дела раскрыла. Причины отставания колхоза две: слабое руководство со стороны председателя и правления и недостаточная трудовая активность колхозников.

После выступления Прасковьи Сергеевны собрание сразу как-то строго стало. Выкрики прекратились.

А потом подошел черед нового председателя выбирать. И вдруг с разных мест закричали:

— Ромашова!

— Алексея Васильевича!

Так и избрали председателя сельсовета председателем колхоза. Знали люди: болит у него душа за общественное хозяйство. На фермах да на полях видели его чаще, чем прежних председателей, которые руководили хозяйствами до их объединения в одну артель.

Конечно, председатель сельсовета и по службе должен с народом общаться. Только вот смотря как. Иной подойдет к человеку, о налоге справится. А Алексей Васильевич и об этом спросит и о колхозных делах поговорит. Частенько слышали люди добрый совет от него. И, бывало, с прежними руководителями чуть не до драки доходил, когда видел бесхозяйственность.

Словом, не случайно его имя первым называли, когда встал вопрос о председателе.

Вроде бы ничего особенного не произошло в «Возрождении» студенным январским днем 1959 года. Покритиковали прежнее руководство да во главе хозяйства нового председателя поставили. Но с того самого дня началось настоящее возрождение хозяйства.

Не любит Алексей Васильевич в одиночку вопросы решать. Всякое новое дело с правленцами, с колхозными коммунистами обсудит.

— Мало,— говорит,— того, что я сам в этом разобрался. Нужно, чтобы каждый и прежде всего коммунисты хорошо поняли, что к чему. Тогда и работа веселей пойдет.

Помнится, о резервах на партийном собрании заговорили.

— При нынешнем нашем положении лен — самое главное,— сказал председатель.— Позарез нужны нам сейчас наличные деньги.

Прав оказался Алексей Васильевич: лен в первый же год дал нам необходимые деньги. Прикупили мы новой техники, строить начали. И ежемесячное авансирование на трудоводни, само собой разумеется, заметно возросло.

Увидели колхозники, что новое правление и председа-

тель пекутся об их материальном благополучии,— еще дружнее артельный воз в гору везти стали. Правда, кой-кого пришлось убеждать другими методами. У тех, к примеру, кто очень уж увлекся своим личным хозяйством, урезали приусадебные участки.

Уже в 1959 году урожай зерновых поднялся на 2 центнера с гектара, а надои молока от коровы выросли на 300 килограммов. Общий доход перевалил за 200 тысяч рублей новыми деньгами. Колхозникам на трудоводень было выдано по 700 граммов хлеба и по 65 копеек деньгами.

В следующие годы дело пошло уже легче. Этому одно мероприятие поспособствовало. Как-то заговорил Алексей Васильевич о переводе бригад на хозрасчет. К тому повернул, чтобы каждая сама хозяйничала, свой урожай, свою животноводческую продукцию и деньги считала.

Правление колхоза поставило на должность бригадиров проверенных, стоящих людей. Закрепили за бригадами земли, выделили технику, инвентарь, скот.

На год каждой бригаде дается производственно-финансовое задание. Выполнила его бригада — один процент денежного дохода отчисляется в ее пользу для распределения по выработанным трудоводням. А это уже тысячи рублей дополнительной оплаты.

И теперь никто не уговаривает колхозников идти на работу. Сами спозаранку в поле спешат. Поля стали удобряться навозом, компостами да минеральными удобрениями. У скота кормушки не пустуют. И вот результат: в прошлом, 1962 году денежный доход артели возрос до 343 тысяч рублей. Урожайность зерновых поднялась по сравнению с первым годом после объединения на 3,4 центнера с гектара. Выросла и оплата трудоводня: пришлось на него в прошлом году по рублю деньгами, по семьсот граммов хлеба, картофеля, овощи. Каждый месяц бухгалтерия начисляет и выдает аванс восемьдесят копеек на трудоводень. А работающие на уборке льна получают от полутора до двух рублей.

О том, как окрепло хозяйство, говорят и такие факты. За 4 года в капитальное строительство, на приобретение техники и другие основные хозяйственные нужды колхоз затратил около 400 тысяч рублей. Построены 2 коровника (еще один строится), свиноводник, 5 зерноскладов, 8 навесов, ремонтно-механическая мастерская, новая колхозная контора. Купили 7 тракторов, 4 комбайна и много другой техники. В прошлом году была завершена электрификация колхоза. На фермах и на токах появились электрические моторы.

Два года назад общее собрание приняло решение об оплате больничных листов, о пенсиях для престарелых и об отпусках. Животноводы, к примеру, ежегодно пользуются трехнедельным оплачиваемым отпуском.

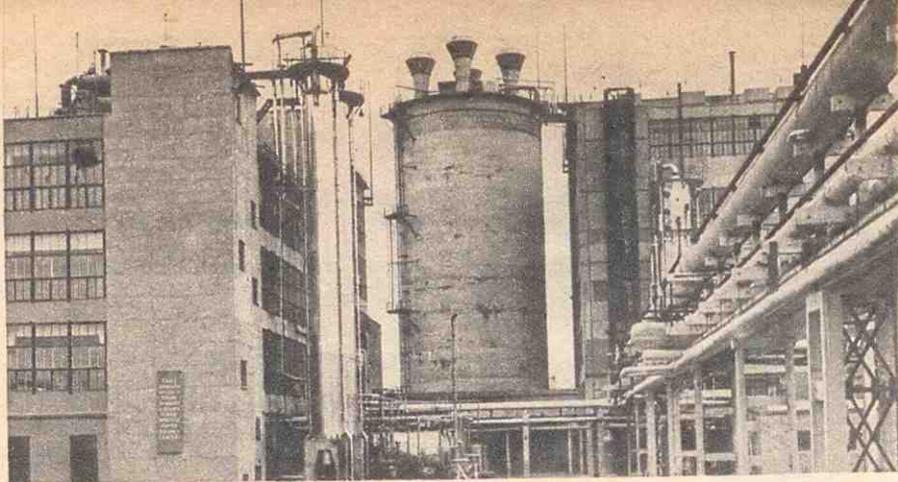
Подводит бухгалтерия баланс за этот год. Еще не все видно. К примеру, окончательный доход и прибыль. Но зато люди знают: кормов — сена и силоса — на все поголовье заготовлено в достатке, планы продажи государству зерна, картофеля, молока и мяса выполнены. Удалялся лен — главная наша денежная культура.

Я далека от мысли утверждать, что наш колхоз достиг уже полного экономического расцвета. Для этого нам предстоит еще немало потрудиться. Но мы уверены: пора эта не за горами.

А как у вас дела, наши подружки по труду? Если пока еще не очень хороши, то вот вам наш совет: решительнее наступайте на беспорядки, добивайтесь, чтобы во главе хозяйств стояли умелые организаторы и рачительные хозяева. Нынче ни одному колхозу не закрыта дорога к расцвету. Даже тем, у которых земля не очень уж щедра от природы. Вроде нашей, ярославской.

М. ДОРОГОВА,
секретарь парторганизации

Колхоз «Возрождение»,
Тутаевское производственное
управление,
Ярославская область.

Меньше чем за три года было построено новое предприятие Тульской области — Щекинский химический комбинат. На снимке: цехи, в которых вырабатывают аммиак и ценное концентрированное удобрение — карбамид.

Фото П. МАСЛОВА (ТАСС).

БОЛЬШАЯ ХИМИЯ

В последнее время в газетах и журналах все чаще встречаются слова — «большая химия». Что это значит? Почему химию называют большой?

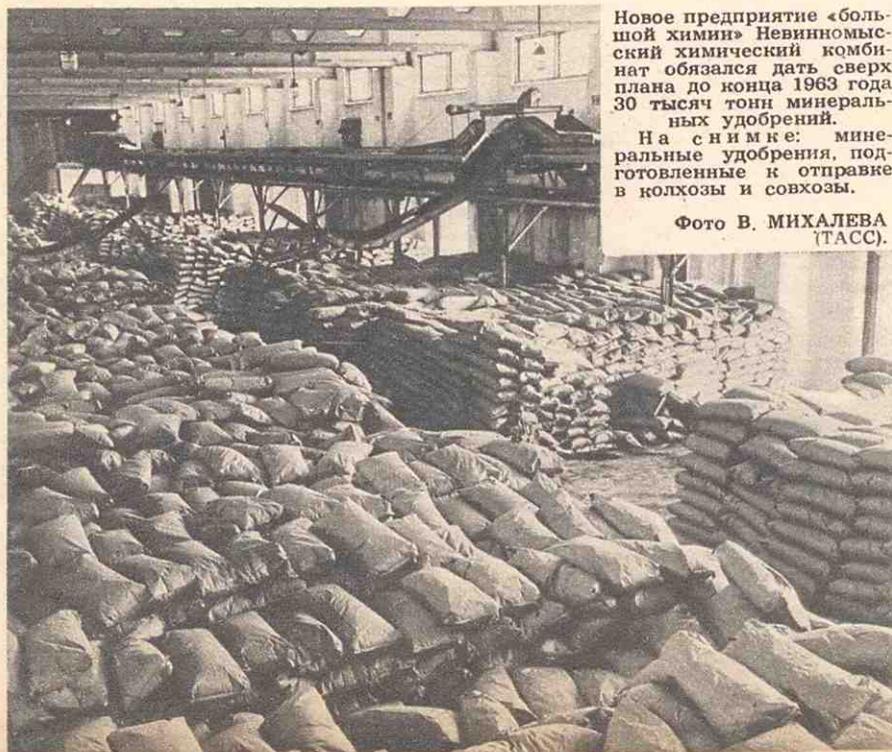
Впервые о «большой химии» заговорили в 1958 году на майском Пленуме ЦК КПСС. Пленум отметил, что не все возможности, которые скрыты в химизации народного хозяйства, используются в должной мере. И тогда была поставлена задача: построить много новых крупных предприятий, реконструировать существующие.

После Пленума за пять лет в химию было вложено средств больше, чем за все годы Советской власти. И вот мы уже начинаем пожинать плоды. В строй вошли 200 новых предприятий и цехов, в том числе много заводов, выпускающих минеральные удобрения. В этом году колхозы и совхозы получат свыше 20 миллионов тонн минеральных удобрений. Их надо использовать разумно, с высокой отдачей. Ведь каждая их тонна — это дополнительные тонны зерна, картофеля, свеклы, хлопка.

Но все это только первые шаги. У химии большие перспективы. В 1964 году она должна дать 24 миллиона тонн минеральных удобрений. В 1965 году — еще больше: 35 миллионов тонн, а в 1970 году — 100 миллионов тонн. Кроме того, сельское хозяйство получит в достатке препараты, которые уничтожают сорняки и защищают растения от вредителей, болезней, повышают продуктивность животноводства.

Что же требуется, чтобы химия двигалась вперед семимильными шагами и во все возрастающем количестве поставляла сельскому хозяйству минеральные удобрения? Продолжать быстрыми темпами строить новые предприятия, увеличивать добычу руд плодородия — словом, делать все, чтобы наращивать мощь химии.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обратились с письмом к химикам и строителям, в котором подчеркивается, что коллективам всех предприятий и учреждений, создающим «большую химию», необходимо «с присутствием народа энтузиазмом и энергией» взяться за решение этой важнейшей народнохозяйственной задачи. Партия зовет: производству минеральных удобрений — широкий шаг!

Новое предприятие «большой химии» Невинномысский химический комбинат обязался дать сверх плана до конца 1963 года 30 тысяч тонн минеральных удобрений.

На снимке: минеральные удобрения, подготовленные к отправке в колхозы и совхозы.

Фото В. МИХАЛЕВА (ТАСС).

СЕГОДНЯШНИЕ ЗАБОТЫ

Девять деревень — из них Таложня самая большая, а самая малая — тезка знаменитому Бородину — стоят близко одна от другой. Когда в послевоенные годы здесь создавали укрупненный колхоз, назвали его «Рассвет», наверное, потому, что много ждали от него. Он оправдал надежды. Сегодня в колхозе «Рассвет» на фермах «елочки», порядок и чистота, радует глаз свежая, молодая дражка новых домов и красная черепица детского сада, которым колхозники особенно гордятся. Кроме детского сада на 60 мест, в колхозе построены пекарня, водопровод (в деревне Таложня), дома для молодых механизаторов. Закончено строительство зерносклада, большого картофелехранилища. За бывшим помещичьим парком возводят новую школу. Вот-вот будет готов комбинат вытового обслуживания. Близи к осуществлению и другие планы.

Все более насущными становятся заботы о том, чтобы жизнь в деревне была не только зажиточной, но и культурной. Здесь первое слово за сельской интеллигенцией.

* * *

В этот вечер в клубе деревни Таложня не ладился показ фильма. То пропал звук, то обрывалась пленка. И когда в зале в третий раз зажегся свет, кто-то убежденно сказал:

— Нет, это не Катерина Васильевна кино показывает.

На другой день с утра к Федоровым стали заходить соседки. Скрестив на груди руки, останавливались у порога.

— Что это с вами, Катерина Васильевна? — спрашивали заботливо.

— Да вот простыла, — чуть слышно отвечала она. — Врач велел лежать.

Уходя, все говорили одно и то же:

— Выздоровливайте поскорее. Плохо без вас.

А Екатерина Васильевна улыбалась в ответ пересохшими губами. «Я и вправду им нужна», — думала она.

Вспомнился первый день работы в клубе. Это было около пяти лет назад, когда вместе с мужем, посланным партией на укрепление колхоза, она приехала в Таложню. Что она, жена председателя, немедленно начнет работать (несмотря на то, что дом не устроен, что дочка малолетки), это было решено сразу.

Екатерина Васильевна Федорова в аппаратной.

Старая учительница А. Н. Малинина и словом и делом помогает заведующей клубом Валентине Абаляшиной.

И вот первый день. Приготовилась Екатерина Васильевна к пуску картины, заглянула в зал, а там всего несколько мест занято. — Почему это? — поинтересовалась она после сеанса.

Оказалось, здесь так повелось: порой придут люди в клуб фильм посмотреть, а киномеханика нет. В другой раз и предпочтут скоротать дома вечер.

Поэтому первое, с чего начала Екатерина Васильевна.

Передачу ведет Сергей Ефремович Макаров. Это очередной выпуск радиогазеты.

на, было строгое соблюдение дисциплины: назначен сеанс на девять вечера — начинать ни минутой позже.

Волновало Екатерину Васильевну и другое. А что, например, лучше показать после совещания животноводов колхоза? Какую картину целесообразнее привезти в отстающую бригаду?

Затеяла киномеханик и еще одно дело: кинолекторий «Здоровье». Заведующая клубом вместе с сельскими медиками разрабатывает темы лекций по медицине. Екатерина Васильевна подбирает соответствующие научно-популярные фильмы. О дне работы кинолектория предварительно сообщается по колхозному радио.

Екатерина Васильевна заботится о том, чтобы хоть раз в неделю показать ребятишкам детскую картину.

И вот все таложане начали по вечерам собираться в своем клубе.

Так киномеханик стала близким и нужным человеком.

Зашли мы в кабину колхозного радиоузла. Человек средних лет, собранный, очень спокойный, держит в руке микрофон. Четко, раздельно, как настоящий диктор, читает текст. Это учитель Сергей Ефремович Макаров ведет очередной выпуск колхозной радиогазеты.

Радиогазета в Таложне выходит каждую неделю. Таложане слушают информацию о решениях сельского Совета, короткую передачу из истории своей деревни: например, «Таложанская школа в 1918 году», сатирические заметки о прогульщиках, нарушителях трудовой дисциплины. Редактируют газету, готовят для нее материалы тоже учителя.

Учителя возглавляют и лекторскую группу колхоза. Не без участия учителей в клубе созданы кружки — хоровой, спортивный.

Акилине Никаноровне Малининой за шестьдесят. Она уже несколько лет на пенсии, но продолжает оставаться в гуще колхозных дел.

Чуть ли не каждый день Акилина Никаноровна заходит в клуб, старается и советом и делом помочь молодой его заведующей Валентине Абаляшиной.

— А как же иначе, — говорит старая учительница. — Ведь я член совета клуба.

И на сцене Акилина Никаноровна тоже выступала — играла в пьесе Алексея Арбузова «Шестеро любимых».

Анатолий Борисович Богдавленский — преподаватель литературы. Вы никогда не скажете, что за плечами этого человека тридцать лет работы: так молодо он выглядит. И молодо мыслит. И это еще важнее. О чем бы вы с ним ни говорили: о школе, о деревенской жизни, о новостях литературы и искусства — вы сразу почувствуете человека широкого кругозора и необычайной энергии. Скажу только о главном его деле — о создании в 1956 году Народного театра.

Колхозники полюбили свой театр. Он скрасил им не один зимний вечер. В метель ли, в ростепель ли за несколько километров на светлый его огонек тянулись люди.

Душой дела был Анатолий Борисович. Он подбирал пьесы, вел репетиции. Актеры театра: Нина Николаева — доярка из деревни Подольцы, Юрий Шмелев — тракторист, Сергей Ефремович Макаров — учитель, тридцать лет проработавший в начальных классах Таложенской школы, Иван Иванович Бабаев — тоже учитель.

За шесть лет Таложенский самодеятельный театр поставил десятки пьес. Среди них «Машенька» Афиногенова, «В поисках радости» Розова, «Шторм» Билль-Белоцерковского. Ставили пьесы классического репертуара: «На дне», «Недоросль», «Женитьба».

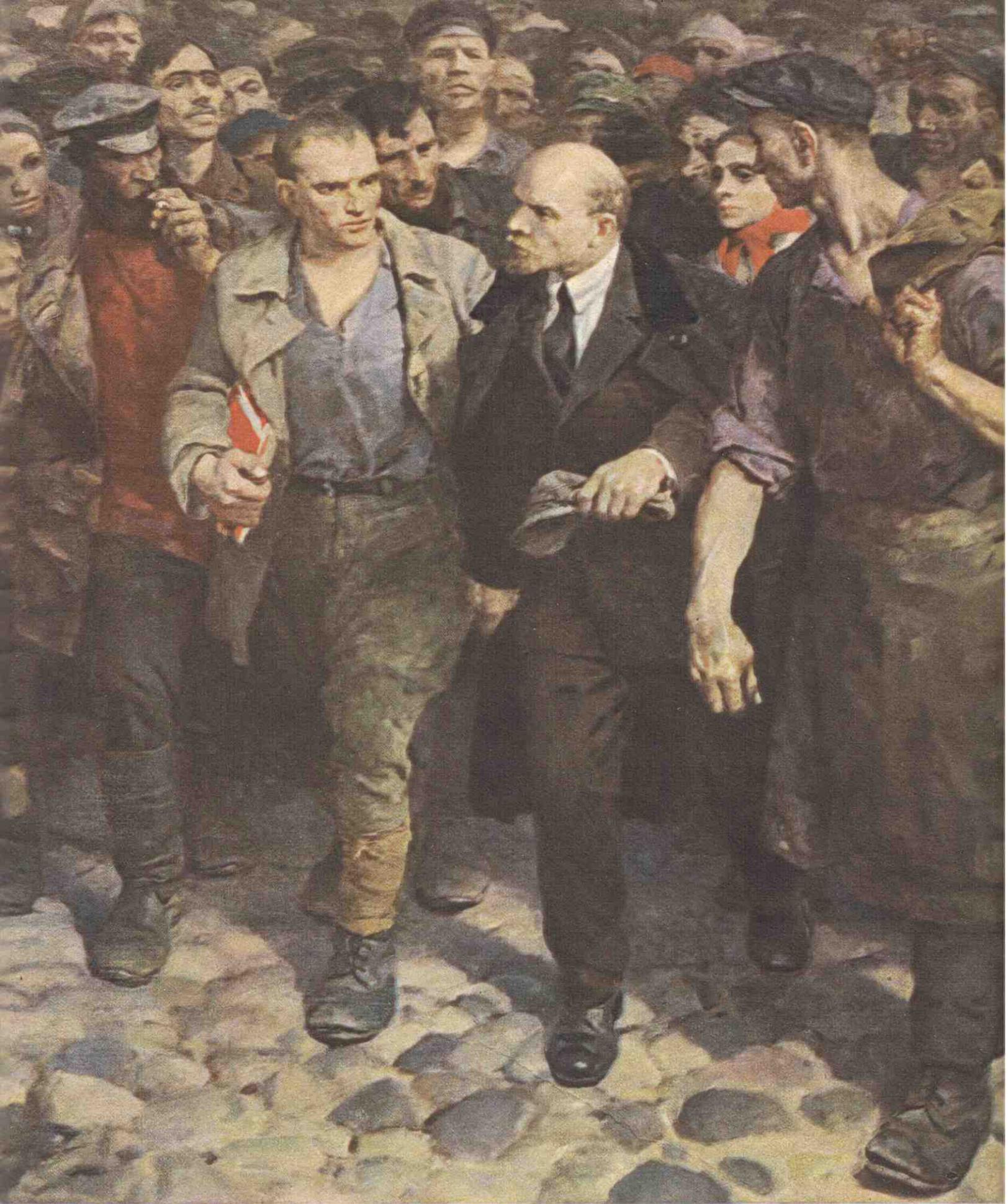
Значение этого дела трудно переоценить. Но, к сожалению, сейчас театра не существует. Легче всего было бы обвинить колхозную интеллигенцию: мол, пороку не хватило, бросили дело на полпути. Но думается, что виноваты не только они.

Театр был заметным явлением в районе. Разве не должен был заинтересоваться им, взять его под опеку отдел культуры в Торжке?

* * *

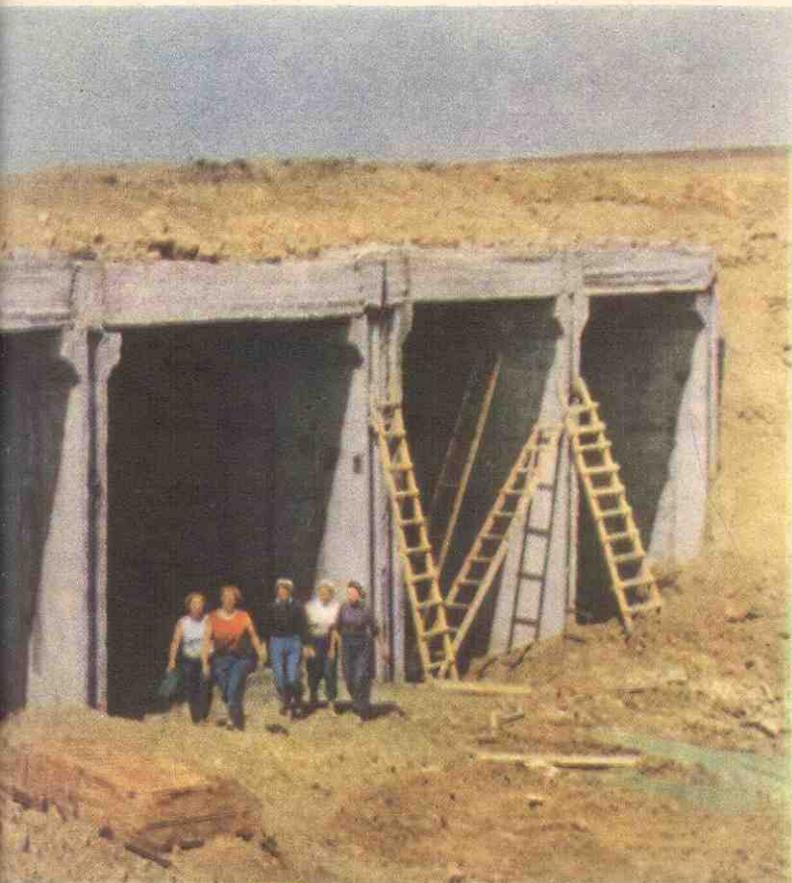
Сегодняшний день деревни — это не только добротные дома и совершенная техника. Интересная книга в руках колхозника, газета на ферме, новый облик клуба, живое слово агитатора — все это имеет первостепенную важность, так как помогает формированию нового человека, о котором недавно говорили на Пленуме ЦК КПСС.

Г. РАТГАУЗ
Фото С. ВЕТЧИНИНА.

С ЛЕНИНЫМ.

В. СЕРОВ.

По искусственному руслу пойдет река Каланчак, а над нею потекут воды Днепра.

Выжженная солнцем Крымская степь. От зноя неподвижно застыл воздух.

Но ведь Крым называют и цветущим. Под щедрым южным солнцем цветет узкая полоса между горами и морем, где расположены всемирно известные здравницы, овечьи героическим прошлым города, порты. Это примерно пятая часть полуострова. Остальное — засушливая степь. Природе здесь нечем «похвалиться». Разве только озерами с горькой, как хина, водой, колючими зарослями шиповника, кизила да «гнилым морем» Сивашем. Почвы здесь плодородные. Но что в их плодородии, если нет самого главного — воды?

К северу от Крыма течет Днепр. Почему бы часть речной воды не направить в Крымские степи? Идея эта возникла много десятилетий назад, но претворяют ее в жизнь только в наши годы. От Каховского «моря» Днепр поворачивают в Крым.

Первые километры от Каховки Северо-Крымский канал, — а он имеет длину более 400 километров, идет почти по пря-

В наступление вышли бульдозеры, подготавливая ложе канала.

мой линии к Черному морю, потом вдруг резко поворачивает на восток и устремляется к Перекопскому перешейку.

Здесь строители встретились с болотами, низинами. Обойти их нельзя, прокладывать железобетонные трубы, чтобы пустить по ним воду, слишком дорого. Строители применили оригинальный способ. Вы видели, как сооружают железную дорогу? Возводят насыпь, кладут на нее шпалы, рельсы. Это же сделали при переходе через все низкие места. Возвели громадную земляную насыпь, сделали в ней выемку, чтобы вода текла в искусственных берегах.

Ну, а как дальше прокладывать канал? В Крыму местность сильно пересечена: холмы, балки, овраги, пересыхающие летом речушки. Если прокладывать канал по прямой, не обойтись без насосов, поднимающих воду с одного гребня на другой. И проектировщики решили, что будет лучше, если канал пойдет по гребням возвышенностей. И затем уже со склонов вода пойдет самотеком по разным направлениям в степь.

На Керченском полуострове, где начинается крутой подъем в гору, построили четыре мощных насосных станции.

Основное назначение Северо-Крымского канала — орошение 165 тысяч гектаров и обводнение 660 тысяч гектаров. Весной 1964 года оросят первые пять тысяч гектаров совхозы «Таврический» и «Пятиозерный». Степь, получившая воду, будет давать высокие урожаи.

Для того, чтобы оросить громадную территорию, от главной артерии Северо-Крымского канала отойдут четыре длинные ветви — Раздольненская, Красногвардейская, Черноморская и Старокрымская. Они напоят засушливые земли, где можно будет получать даже по два урожая в год.

Строительство канала сочетается с широким использованием подземных вод; сейчас площадь полива ими превышает 35 тысяч гектаров. В совхозе «Коминтерн» Бахчисарайского производственного управления каждый гектар поливных земель дает около двух тысяч рублей прибыли. На опытных станциях Института орошаемого земледелия и в передовых хозяйствах получают с гектара по 100 и более центнеров винограда, по 500 центнеров сахарной свеклы, по 300 центнеров овощей.

В Крыму у кукурузы добрая слава. Высокий ее урожай выращивает механизатор совхоза «Дальний» Черноморского производственного управления В. Саранча. Этот опыт широко распространяется. В 1963 году кукуруза возделывалась на шести с лишним тысячах гектаров; есть уже первые, довольно значительные успехи. В колхозе «Завет Ленина» Джанкойского производственного управления поливную кукурузу сеяли на ста гектарах, получили по 630—700 и более центнеров зеленой массы с гектара. Таким образом, крымчане теперь смогут создать мощную кормовую базу для животноводства.

Но самым неожиданным, можно сказать, самым невероятным для засушливого Крыма явится то, что там будут выращивать рис, наиболее влаголюбивую культуру, на 25 тысячах гектаров. Для риса отводят солонцы и солончаки — ровные и низкие участки вдоль Черного и Азовского морей. Уклон этих участков к морям позволит их основательно промыть, избавиться от избыточных солей, повысить их плодородие и периодически, как этого требует рисосеяние, сбрасывать воду.

Сосед крымчан, колхоз «Заря коммунизма», Скадовского района, Херсонской области, выращивает рис уже несколько лет и снимает неплохой урожай — по 50 центнеров с гектара. Артель совмещает рисосеяние с рыболовством. Между растущими в воде стеблями риса плавают зеркальные карпы.

Еще в разгаре строительство, а агрономы уже составили подробный план размещения сельскохозяйственных культур, рассчитали, сколько понадобится воды. Весной для Крыма потребуется немного воды. В это время почва хранит запасы зимней влаги. Но со второй половины мая до сентября воды нужно будет куда больше. Развивается кукуруза, озимые, рис, овощи, сахарная свекла. Осенью, когда на полях останется только сахарная свекла и виноград, воды опять-таки нужно немного. Так и будет работать канал, пропуская воду по потребности. Все эти «нормы расхода» смогут регулировать щиты головного водозаборного сооружения на Каховском водохранилище.

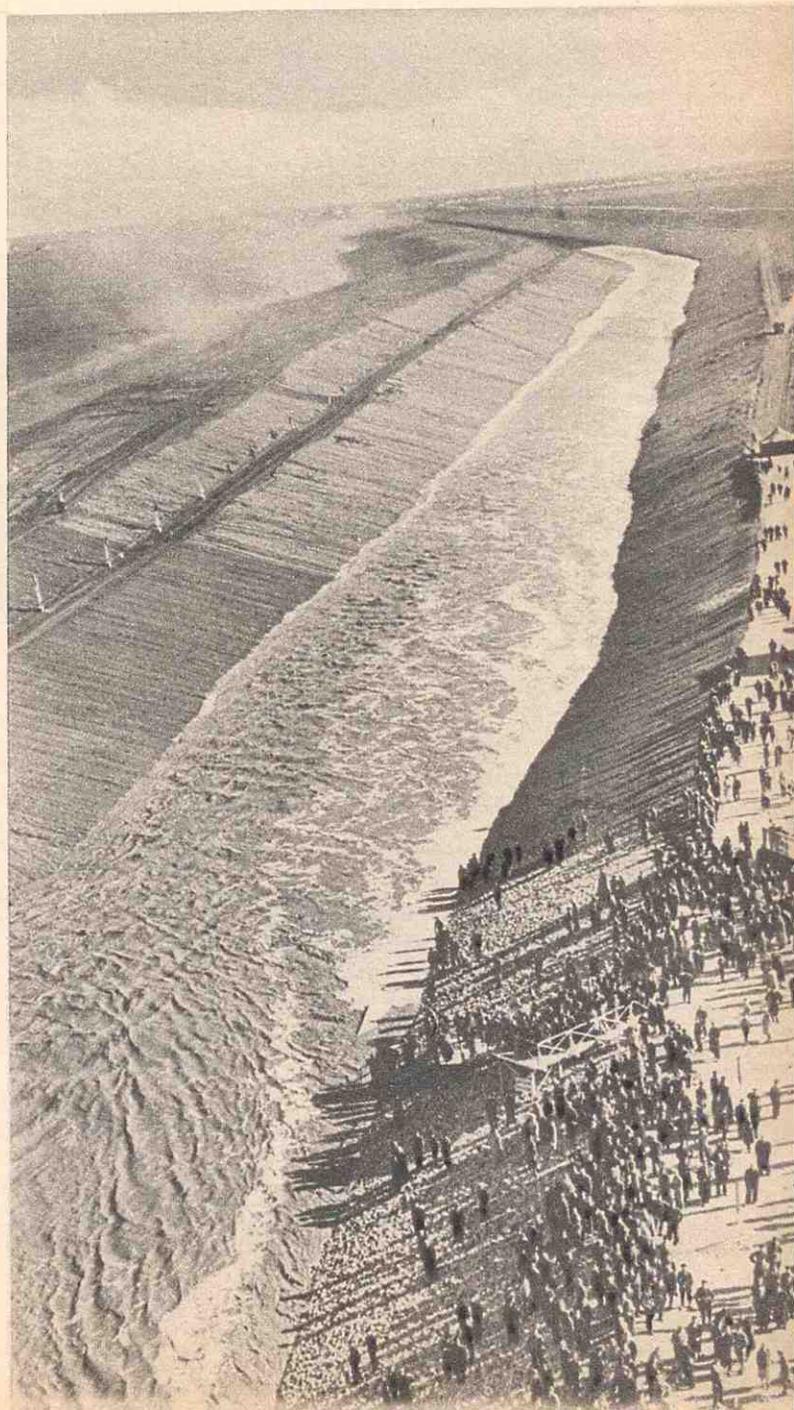
17-го октября состоялся пуск первой очереди Северо-Крымского канала. Днепровская вода хлынула в засушливые степи. Вода, несущая жизнь.

И. ЛИТВИНЕНКО

Фото А. УСТИНОВА и А. ШИШКИНА.

Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев перерезает ленточку. Путь днепровской воде открыт.

Коса

В Комитете Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама связную всегда ожидали с нетерпением. В тот день она вернулась очень взволнованная и, ничего не говоря, протянула длинную косу, сплетенную из черных, как уголь, и совсем белых, как снег, волос. В ответ на удивленные взгляды она вынула небольшую пачку бумаг, спрятанную в глубине корзины. Это были письма из печально знаменитой Сайгонской тюрьмы, написанные карандашом и адресованные в Союз женщин.

Письмо первое

Мои дорогие сестры!

Я решила любой ценой переписать вам это письмо. Мы не хотим безропотно умирать, мы должны рассказать нашим соотечественникам об ужасных пытках, которым нас здесь подвергают.

Сейчас ночь. В камере нестерпимая духота. Крыша, покрытая толем, так раскаляется за день, что даже ночью мы не можем отдохнуть от жары. В нашей камере 100 взрослых и 12 детей. Небольшой проход разделяет два ряда нар, расположенных в три этажа. Тем, кто спит наверху, под самой крышей, вообще нечем дышать. От укусов насекомых наши тела покрылись гнойными ранами. Дети плачут, не утихая, день и ночь.

Бледный свет уличного фонаря проникает к нам через вентиляционное отверстие. Только благодаря ему я могу сейчас писать.

Нас часто обыскивают. К нам сажают «стукачей», которые следят за каждым нашим жестом, ловят каждое слово.

Но клочки бумаги и огрызок карандаша я все-таки ухитрилась спрятать.

Письмо второе

У меня не хватает слов передать, какие здесь творятся ужасы.

Нас принуждают признать за истинное народное правительство

правительство кровавого палача Нго Динь Дьема и петь гимны в его честь. Из нас выбивают «чистосердечные признания» и «раскаяния», заставляют «разоблачать коммунистов». От нас требуют ложных обвинений наших родных, друзей, товарищей.

Но палачам так и не удается ничего добиться. Насилие только усиливает нашу ненависть и делает нас еще более сплоченными. Несмотря на запреты и всяческие рогатки, мы находим способы и поговорить, и утешить, и поддержать друг друга.

Вот уже более года палачи истязают нашу подругу П. Но тюремщики ни разу не услышали от нее ни одного слова. Все мы стараемся хоть как-нибудь облегчить страдания этой истерзанной, изможденной женщины.

Издевательства над ней день ото дня становятся все изощреннее. Ее накачивали водой, а потом наступали на живот, чтобы вода вытекала через рот, нос, уши. Целыми днями держали ее на солнцепеке, она стояла на вытяжку до тех пор, пока не теряла сознания.

Палачи, нагло усмехаясь, говорили: «Ты знаменита красотой своих рук. Мы сейчас тебе поможем сделать их еще красивее». Ее руки обмотали хлопком, смоченным в бензине, и подожгли. Вот уже много месяцев ее руки — сплошная кровоточащая рана. Никогда уже не сможет она что-либо делать своими руками. Мы стираем ей белье, кормим, одеваем. Мы знаем, что П. — старый боец Сопротивления.

Письмо третье

Казалось, что П. никогда не уронит и слезинки. Сегодня впервые она плакала вместе с нами над телом молодой женщины X., торговки супом, которая умерла на рассвете. Когда ее схватили, X. была на седьмом месяце беременности. Ее арестовали потому, что около котелка, где она варила свой суп, нашли листовки. После пыток она преждевременно родила девочку со сморщенной кожей и слишком слабую, чтобы плакать. У девочки не было ни одного волоса, а кожа на животе была прозрачной. Через три дня после родов, когда X. вернулась из госпиталя, пытки возобновились. У женщины пропало молоко. Ее лицо пожелтело и распухло. Вскоре она не могла даже подниматься. Мы, сменяя друг друга, ухаживали за новорожденной. Дети всех возрастов ни на минуту не отходили от своей маленькой сестры по заключению. X. мы отдали место рядом с дверью, там, где хоть не-

много чувствуется дуновение свежего воздуха.

В середине прошедшей ночи она начала задыхаться. Мы колотили в дверь, звали на помощь. Не торопясь, явился тюремщик, бросил взгляд на умирающую и заорал:

— Прекратите галдеть! Подумайте, стоит ли из-за нее попадать в карцер?

X. делалось все хуже. Собрав последние силы, она пробормотала:

— Если кто-нибудь... выйдет отсюда... — Голос ее прерывался, ей трудно было говорить...

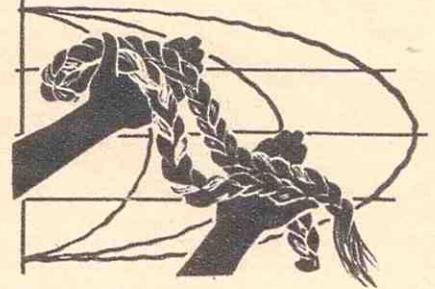
— Будь спокойна, — поняла ее одна из нас. — Мы обязательно найдем способ связаться с твоим мужем и расскажем ему, как стойко ты держалась.

Умирающая показала на свои распущенные волосы, такие длинные, что они касались пола, и сделала нам знак срезать их.

— Пошлите их... моему мужу, — едва слышно прошептала она.

Это были ее последние слова.

Письмо четвертое

Прядь волос X. обошла всех. Каждая хотела подержать ее в руках, чтоб хоть этим выразить свою любовь и горе. А чтобы волосы не спутались, мы заплели их в косу. Потом мы решили послать и свои волосы нашим мужьям и сестрам, борющимся за освобождение, как знак нашего единства и стойкости!

Первой срезала свои волосы П. и приплела их к пряди волос умершей. После нее это сделала В., восемнадцатилетняя девушка. Потом очередь дошла до седых волос мамыши Нам, старой уважаемой женщины, арестованной только потому, что она была участницей организации «борющихся матерей».

Каждая из нас прибавляла свою прядь волос, и коса становилась все длиннее и длиннее.

Вот мы и посылаем ее вам.

ХОАЙ НАМ
Сокращенный перевод с французского
Г. СТЕРЛИГОВОЙ.

Рисунки Н. ЗАХАРКЕВСКОГО.

С той поры прошло три года. И многих, кто вплет в косу свои волосы, может быть, уже нет в живых... Но косу эту видели в Москве, Праге, Берлине, Пекине, Джакарте. И повсюду делегатки Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама рассказывали ее историю. Она — красноречивое свидетельство того невыносимо тяжкого положения, в котором находится народ в Южном Вьетнаме, где попираются его права, где царят террор и произвол.

КАМНИ И НАДЕЖДЫ

Двадцать два года назад знойным летним днем от причалов польского порта Гдыни отвалил океанский теплоход. Прощальные гудки заглушались людскими возгласами. Духовой оркестр исполнял марш «Прощание славы».

Среди пассажиров находилась семья Севериных: Илья Пантелеймонович Северин, его жена Кристина Марковна и трое детей — Надя, Люся и девятилетний Митя. Как и сотни других бедствующих крестьянских семей, они продали жалкий клочок земли и в поисках счастья устремились навстречу неведомому.

...Каждое утро корабельные часы переводились на тридцать минут назад. Солнце всходило за кормой, обгоняло теплоход и устало падало впереди.

Что ждет их там? Как встретит Аргентина? Илья Пантелеймонович смутно представлял будущее. Найдут ли они там свое счастье? Может быть, не следовало пускаться в далекий рискованный путь... Но другого выхода не было. С мальчишеских лет он узнал тяжкий труд хлебороба. Отец грубовато хлопал по плечу, хвалил:

— Добро, Илья. Ладный из тебя человек вырастет. Глядишь, и переломам бедность.

Прошли годы, а бедность «не переломилась». Умер отец. После его смерти все заботы легли на плечи сына. А тут еще грянула засуха. В ту пору по всей Волинии бродил призрак голода.

В один из таких дней на двор к Илье заглянул незнакомый человек. Угостил дорогими папиросами, назвал себя агентом по найму рабочей силы. Агент ловко расписывал жизнь в Аргентине и Парагвае: земля даровая, только не ленись — и сразу разбогатеешь!

Под ногами лежала выжженная земля, на него с надеждой смотрели голодные глаза детей. Илья Пантелеймонович не умел писать и поэтому мозолистой рукой поставил в нижнем углу договора крестик.

...А теплоход продолжал плыть на запад. Вокруг расстилался сине-зеленый Атлантический океан. Он был спокоен все двадцать суток плавания.

Рано утром на капитанском мостике кто-то громко прокричал:

— Земля!

На горизонте громоздились холмы незнакомой континента. Повеяло сухостью и теплом.

Это была Америка.

Илья Пантелеймонович осторожно пробирался по оживленным улицам Буэнос-Айреса.

Он искал магазин, чтобы купить съестного. Мимо проносились машины, трамваи, завывала сирена, куда-то бежали пешеходы. Бешеный ритм южноамериканской столицы оглушил новичка.

Илья Пантелеймонович купил солнечный золотистый ананас, связку бананов и увесистый кокосовый орех. Покупка обошлась сравнительно недорого, 25 сентаво. Может быть, поэтому с новой силой вспыхнула надежда. Вспомнились слова агента о дешевой жизни.

Но в эмиграционном пункте Илью Пантелеймоновича встретила отчужденная, ледяная тишина. Вдоль веревочных ограждений размеренно прохаживались полицейские в синих мундирах, с короткими резиновыми дубинками в руках.

Ночью Илья Пантелеймонович ворочался на железной кровати, подстелив под бок пиджак. В серой цементированной комнате с двумя квадратными окошками, упирающимися в кирпичную кладку соседней постройки, было темно и душно. От усталых человеческих тел пахло потом. Кто-то всхлипывал во сне. Илья Пантелеймонович долго лежал с раскрытыми глазами.

А утром Северины уже плыли вверх по реке Паране. Катер рыскал носом в изжелта-красной ряби, упрямо забираясь в глубь континента. Впереди была наиболее отсталая и безлюдная республика Южной Америки — Парагвай.

КОЛОНИЯ ФРАМ

— Вот ваш дом, ваш участок! Располагайтесь. — Чиновник сунул в карман мешочек с новенькими песо и тотчас распрощался.

Илья Пантелеймонович лишился последнего песо, но сделался обладателем внушительной собственности. Шутка сказать, отныне ему и его семье принадлежит целых 15 гектаров земли! Влюбленно оглядывал он свой участок: девственная, поросшая могучими деревьями, кустарником и переплетенная густой сеткой толстых зеленых лиан, у его ног лежала земля.

Илья Пантелеймонович представлял, как рушатся под топором деревья, как из жирной пашни пробиваются молодые ростки. А это урожай, деньги, достаток!

Из леса показался человек невысокого роста в белой сорочке с красным украинским шитьем. Дружески протянул руку:

— Прокоп Скочко.

Он вел новичков по едва приметной тропке. Джунгли расступились неожиданно. На круглой поляне стояло несколько барачков. Это была колония Фрам, о которой писали два известных чешских путешественника, Ганзелка и Зикмунд: «...Человеку, пришедшему сюда с голыми руками, без пилы и топора, остается только одно: вытащить из кармана обтрепанный коробок, помолиться и чиркнуть спичкой.

Создается впечатление, будто мы вернулись на десять тысяч лет назад... Колонист выбивается из сил и корчует пни, чтобы освободить как можно больше места под посевы хлопчатника.

При этом он пока еще не осознал, что превратился в раба акционерного общества. Он должен вырубить лес, должен предложить акционерному обществу остаток дров, которые не успел сжечь, должен предложить ему все, что выращено на полях, и, конечно, по цене, которую определит само акционерное общество...

Среди колонистов есть поляки и украинцы, выросшие еще при феодальном царском режиме... Невежество и отчаяние загнали их в парагвайский девственный лес и приковали там на всю жизнь».

Работали все лето — на солнцепеке, впроголодь, работали отчаянно. Старшие с утра до темноты спиливали твердые, будто отлитые из железа, красные деревья кебрачо. Дети рубили кустарник. К концу лета повалили лес только на четырех гектарах. На стволы махнули рукой: не было ни времени, ни сил оттаскивать. Так и лежали они, длинные, тяжелые, среди огромных пней, закрывая доступ к земле.

Было ясно, что в глухой, забытой не только людьми, но и, кажется, самим господом богом колонии их ожидали рабский труд и нищета.

На «семейный совет» детей не пустили. Илья Пантелеймонович твердо решил вернуться в Аргентину. Вместе с Кристиной Марковной делал подсчеты: за триста песо, вырученные от продажи участка, необходимо купить право на выезд, билеты до Буэнос-Айреса и заплатить за провоз багажа.

Учили все, свели почти до нуля расходы на питание, на непредвиденные путевые издержки: все равно недоставало 50 песо. Из семьи в пять человек могли выехать лишь четверо. Один должен остаться здесь.

Помог им простой крестьянин Прокоп Скочко, оторвавший от своих скудных сбережений 50 песо, чтобы могла уехать вся семья.

ОНИ ВЕРНУЛИСЬ

ИЗ НОЧИ

17 ЛЕТ ВДАЛИ

На окраине Буэнос-Айреса, в его южном предместье Авежанадо, еще в прошлом столетии был построен домишко с небольшой задымленной кухонькой и единственным окном, выходящим в сторону океана. 17 лет прожили здесь Северины.

Поздно вечером, возвращаясь с работы, Илья Пантелеймонович наспех ужинал и валялся на кровать. Надсадно гудели руки, а думка одна-единственная: «Выдержал... Значит, не уволят».

Утром снова торопился к воротам металлургического завода «Сьям де Телья». Привычно занимал место в огромном сером цеху. Сгибался над деталью, хватал руками, бросал в бункер, а подъемная машина ошалело сновавала по огромному пролету, и нужно было нагружать, нагружать без конца, из последних сил. Спина деревенела, а машина мчалась, лязгая захватами, будто чудовищный железный паук...

Сильно сдал за эти годы Илья Пантелеймонович. По ночам душила астма; глубокие черные морщины с въевшейся в них металлической крошкой избороздили щеки, на висках проступила седина.

Все чаще думалось о родной стороне. Мысли были тревожными. Газетные сообщения пестрели дикими небывицами о Советском Союзе, о родной Украине. В мрачных красках описывались заботы и нищета народа. Коммунисты преподносили не иначе, как в виде изуверов, отобравших у крестьян землю, скот...

Однажды Северины всей семьей спустились по узким улицам города к океану. Бухта была такая же, как и в тот далекий день, когда они впервые ступили на землю Аргентины. Ничто не изменилось. По-прежнему холодно серело каменное здание эмиграционного пункта. Прохаживались полицейские с резиновыми дубинками в руках. На рейде стояли десятки пассажирских и торговых судов. Среди пестрых флагов выделялось ярко-красное полотнище с серпом и молотом.

Администрация порта разрешала доступ на иностранные суда только женщинам и детям. Так Кристина и Люся оказались в этот день на борту советского парохода «Донец», доставившего в Аргентину рельсы и станки. Вместо «ожесточенной, забитой» команды они увидели жизнерадостных, приветливых парней. Был час обеда, и моряки пригласили гостей в столовую. К столу подали наваристый украинский борщ, гречневую кашу с жареным мясом, а на третье — свежий пирог с вареньем. Разговор за обедом получился душевный.

Матрос Николай разбередил душу. Родом он из Гродно. Там живет семья. Старшая сестра, Аксинья, недавно поступила в Киевский университет. Сам же Николай оканчивает мореходную школу. Пройдет год, и он самостоятельно поведет большегрузные танкеры по морским трассам.

Кристина Марковна завидовала матери Николая. С трудом сдерживала она слезы. Захотелось по-матерински обнять каждого и сказать: «Милые, дорогие! Вы же наши, родные люди!» В руках она сжимала чашку, подаренную ей.

Эту чашку Кристина Марковна берегла потом как самое дорогое. Она напоминала о родине. Шли годы. Люся вышла замуж. Родился Сережа. А чашка стояла на подоконнике, вселяя надежду и день ото дня крепнущее желание возвратиться на Украину.

Решение пришло неожиданно. Владимир, муж Люси, эмигрировавший из Волыни в 1937 году, объявил, что они с Люсей решили вернуться. В комнате сделалось тихо. Слышно было, как стучит в стекло ночной мотылек.

— А что вы там будете делать? — глухо спросил Илья Пантелеймонович.

Владимир достал пачку бережно перевязанных конвертов. Это были

В числе передовиков Волыни Илья Пантелеймонович Северин побывал на Киевской сельскохозяйственной выставке

Рабочее место Северина — луг и пастбище.

письма, полученные им от родной тетки Лукерьи Слюсарюк, которая работала в колхозе «Ленинская победа» полеводом.

Лукерья Слюсарюк писала обо всем: о погоде, о близких и дальних родичах. Как бы между прочим сообщала, что теперь в коровники провели электричество. Тут было над чем задуматься.

В одном из писем упоминались Локачи. С жадностью читал Илья Пантелеймонович скудные сведения о родной деревне. «После войны торчали две обгорелые хаты,— писала Лукерья.— Теперь же село не узнать, разрослось. Белые домики на пригорках, сады. Народ живет хорошо. Раньше, бывало, сараи лепили к дому. Нынче строимся по-другому: хату отдельно, а сарай в сторонке».

Илья Пантелеймонович снова и снова перебирал помятые конверты, разглядывал незнакомые марки, по многу раз перечитывал каждую строчку — за ними чувствовалось большое дыхание новой жизни.

Он уже понимал, что никакая сила не сможет больше удерживать его здесь.

Р О Д И Н А

В сентябре 1961 года Илье Пантелеймоновичу Северину исполнилось 60 лет. День рождения он встречал на родине.

Народу набилось в клубе — тесно! На сцене, за празднично убраным столом, разместились семья Севериных. С приветственным словом к юбиляру вышел сам голова колхоза Степан Прокопович Кобзарь. На свежем, чистом рушнике преподнесли хлеб-соль.

Илья Пантелеймонович стоял на сцене, сутулый, коренастый, и держал на вытянутых руках теплый пшеничный каравай. Он видел счастливое раскрасневшееся лицо жены. Чему-то улыбалась Люся, обнимая двух своих сыновей, Сережу и Лешу.

Илья Пантелеймонович никогда не приходилось выступать. Говорил он медленно, немного сбивчиво. Тяжело вспоминать о годах, проведенных на чужбине. Может быть, его и не было, этого прошлого? Был только сон, злой и мучительный, а настоящая жизнь началась недавно, солнечным, светлым днем, когда поезд пересек границу у станции Чоп и в окна вагона глянуло родное небо, открылась дорогая сердцу земля. Только иной стала она. Исчезли одинокие хутора. Крохотные разноцветные клочки слились в одно огромное, придвинувшееся к синей черте горизонта колхозное поле.

Через несколько дней Илья Пантелеймонович навестил родную деревню Локачи. От старых плетней и мазанок здесь и следов не осталось. Робко постучался в аккуратно побеленный двухэтажный дом. Пожилая женщина в шерстяном платке пригласила Илью Пантелеймоновича в комнату. Здесь было светло и уютно. В комнату неслышно вошла девочка. Простенное легкое платье облегло неестественно выпирающие хрупкие плечи.

Девочка села на табуретку, с любопытством рассматривая незнакомого человека. Глаза у нее были большие и по-взрослому внимательные.

Мать подошла к ней, бережно провела ладонью по светлым вьющимся волосам. Девочка не пошевелилась. Даже не вздрогнула. Илья Пантелеймонович узнал ее трагедию. Вместе с матерью Лена жила в Парагвае. В два года девочка заболела тяжелой формой паралича. Нужна была срочная медицинская помощь. А до ближайшей больницы добираться непроходимыми парагвайскими джунглями целых 365 километров. Только любовь и редкая настойчивость матери спасли Лену от неминуемой смерти. Здесь, в Советском Союзе, Лена попала под контроль детских врачей. Они сделали все возможное, чтобы вернуть ей здоровье. Около двух лет лечилась девочка в лучших санаториях Крыма. Поправилась, окрепла здоровьем.

— Только с плечами неладно и в школу ходить трудно,— закончила грустный рассказ мать Лены. Она ласково взглянула на дочь и, словно советуясь с ней, добавила: — Думаем отдать в лесную школу. Там не придется много ходить. Все рядом.

Впервые Илья Пантелеймонович испытал странное чувство. Глубокое человеческое горе не оставило в его душе тягостного впечатления. Вместе с этой женщиной он твердо верил в исцеление девочки.

...Осторожно, с недоверием присматривался вначале Илья Пантелеймонович ко всему, что делалось вокруг.

Его дочь Люся пошла работать дояркой. В среднем ей начисляли по 50 рублей в месяц. А летом выходило по 70 рублей. Кроме того, выдавали на трудодни зерно, овощи, сено. Илья Пантелеймонович работал по нарядам.

Но однажды все круто изменилось. Люся пришла с работы расстроенная. Упали надои молока, потому что в самые горячие летние дни заболел пастух. Стадо поручили мальчишкам, а прок от них известно какой: одно бабло!

Илья Пантелеймонович слушал дочь, хмурился. Ни слова не сказав, надел сапоги, теплую вельветовую куртку и отправился в правление.

...Через год в колхозе подвели итоги. По надою молока неожиданно для всех первое место заняла третья бригада. Если в 1961 году фуражная корова давала лишь 1 911 литров молока, то в следующем, 1962 году цифра подскочила сразу до 2 323 литров. Для Полесья это были высокие показатели. В то же время в других бригадах надои не поднимались выше 2 тысяч литров.

Когда Илью Пантелеймоновича попросили поделиться производственным «секретом», он ответил просто:

— Секрет в том, чтобы каждый человек любил свою работу. Тогда и результаты будут хорошие.

В тот год на районной доске почета появился портрет лучшего пастуха района Северина. Колхозники единодушно избрали его в заседатели народного суда. Вскоре он был награжден медалью «За трудовую доблесть».

В дружной семье дояркой трудится дочь Ильи Пантелеймоновича Люся Слюсарюк.

Колхозный пастух написал заявление, в нем несколько идущих из самых глубин сердца слов: «Прошу считать меня коммунистом». Рекомендации Илье Пантелеймоновичу Северину дали председатель колхоза Степан Прокопович Кобзарь и секретарь партийной организации Николай Константинович Евстафьев...

Все продумано и рассчитано у Северина. С любовью и уважением говорят про него в колхозе «Ленинская победа»: «Наш лучший пастух!» Само название колхоза сделалось для Ильи Пантелеймоновича близким и дорогим: «Ленинская победа» — это и новая, преображенная жизнь на родной земле и то, каким стал коммунист Северин, бывший батрак, вернувшийся из ночи в светлый день нашей жизни.

В. ДРОБИШЕВ
Фото Я. МИХЛИНА.

Волынская область.

ТВОИМИ РУКАМИ, МОЛОДЕЖЬ

— Нам бы в совхоз вертолет! — мечтательно говорит Фионин. — Я бы каждого, кто приезжает сюда, поднимал в воздух: «Гляди, друг, что тут сотворено!»

— По мне, так и с земли все видно, — смеется Афонина. — Разве что вапу птицеферму не сразу заметишь.

— Она-то как раз весьма приметна. Делами!

Иван Николаевич Фионин, главный зоотехник совхоза, и Раиса Афонина, председатель местного женсовета, показывают приезжему человеку свой поселок.

Шаг за шагом разворачивается его панорама. Вереницы жилых домов — двухэтажных, многоквартирных и небольших, на одну-две семьи. Столовая. Магазины продовольственных и промышленных товаров. Клуб с просторным залом, с отлично обставленной библиотекой-читальней, на полках которой одиннадцать тысяч томов. Ясли и детский сад, размещенные в новеньком, только что отстроенном доме, где все — от окраски стен до мебелировки — продумано с материнской заботливостью и хорошим вкусом. И всюду деревья. Они тесно сгрудились у памятника Ильичу, льнут к домам, опоясывают улицы.

А на улицах свое, обычное, будничное. Откуда-то с верхнего этажа доносится монотонный шум пылесосов. Бьет, поливая клумбу, струя из шланга, надетого на кран водопроводной колонки. Штукатур подтягивает на подмошке ведро с раствором. Бежит за футбольным мячом ватага мальчишек, впереди восьмилетний Саня

Братковский. С крыльца столовой буфетчица бойко распродает молоко.

— Ольга! — громко окликает она кого-то. — Обедать ступай. Простынет!

К крыльцу подкатывает самосвал, полный арбузов, и вмиг появляются грузчики-добровольцы, и летят из рук в руки полосатые шары.

Обычное... Но еще за год до рождения Сани, первого коренного жителя поселка, тут не было ничего: ни одного дома, ни одного деревца. Лежала лишь сухая степь, поросшая типчаком и ковылем. Нетронутая. Дикая. Как орлы, что парили над ней.

Рая увидела знакомую, поспешила навстречу.

— Зиночка! Поздравляю! Как же я рада за тебя! А хорош мальш, говорит.

— Приходи взглянуть.

— Мы с Зиной в одночасье сюда приехали, — поясняет Рая. — Кажется, я посолднее выглядела. А она — ну просто девчонка зеленая. Думали, сбежит. Нет, выдержала характер!

— Наверняка знала, что Лешу найдет здесь, — посмеивается Фионин. — Муж у нее, Алексей Якуткин, — таким гордиться можно. Лучший наш комбайнер.

— Я одно тогда знала: сбегу — ни от людей, ни от самой себя уважения не будет.

Две женщины, две матери стоят рядом. Наверно, вспоминают в эту минуту буранную степь, костры на снегу, маленькие, украшенные кумачовыми лозунгами вагончики — тогдашнее свое жилье. Вспоминают свою юность, трудную и хорошую.

Целина приняла новоселов в декабре 1954 года. В память об этой дате совхозу дали имя «Декабрист». И имя это наполнилось для целинников особым, значительным смыслом. Оно звучало как присяга в стойкости, мужестве. Страна ничем не поскупились для целинников. Все дала им: продукты и одежду, машины и механизмы, строительные материалы и семена. И только от них самих зависело, шуметь ли здесь нивам. Первый, самый трудный год жизни на целине показал, что стойкости и му-

Всех желающих обеспечивает совхоз молоком. Бойко идет торговля у Лидии Ивановны Паляхиной.

жества надо много. Заволжская степь сразу показала свой норов. Положили уйму сил, а вернули разве что семена. Но за работу взялись еще злее. Следующая осень дала стопудовый урожай.

Пахали, сеяли, убирали хлеба... Только стихала полевая горячка — переходили на строительные площадки. Сооружали мастерские, зернохранилища, животноводческие помещения, жилые дома. Создавали сразу несколько поселков: Целинный — самый крупный, Мирный, Новый, Восточный, Орловку. Все меньше обитателей оставалось в вагончиках. Пришел час — и в последнем вагончике разобрали нары...

Теперь в чью квартиру ни войдешь — душа радуется. Просторные, по-городскому меблированные комнаты, паровое отопление, газовые плиты, электрические приборы...

Недавно на партийном собрании Виктор Елистратович Филимонов, директор совхоза, напомнил коммунистам: больше четырех миллионов рублей в новых деньгах вложило государство в строительство совхоза. Эти вложения уже давно окупились. Теперь совхоз дает государству прибыль. И немалую. В прошлом году — 365 тысяч рублей, в этом году будет до 400 тысяч.

— А главное, дает хлеб, — подсказал с места Василий Иванович Моршнева, секретарь партийного бюро. — Он всему голова!

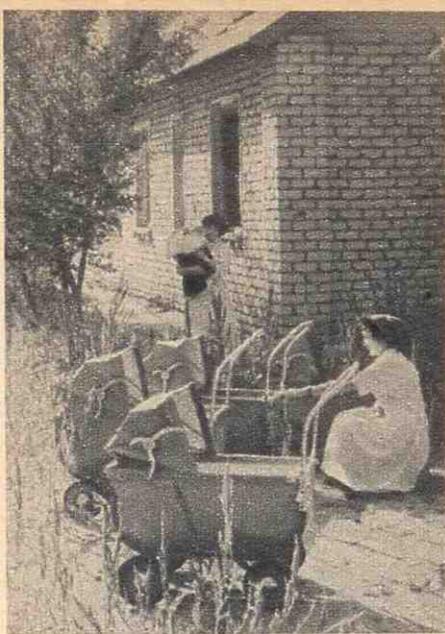
Многие хозяйки берут в столовой обеды на всю семью.

Хлеб. Зинаида Степановна Курникова, агроном-семеновод, сыплет на ладонь тяжелое, крупное зерно.

— Калачи из этой пшенички — как сдобные! «Саратовская-38». Недавно выведена. Позапрошлый год совхоз получил для размножения шесть центнеров таких семян. Высеяли на шести гектарах. Мы за этими посевами, как за цветами, ходили. В шестьдесят втором отвели нашей новенькой сорок четыре гектара, в нынешнем — больше пятисот. На тот год пойдет под нее шесть тысяч гектаров. У нас, в засушливом Заволжье, это самый перспективный сорт. За весну и лето хоть бы раз покropило наши земли, а собрали по шестнадцать центнеров зерна с гектара.

Не получил бы «Декабрист» без малого 1200 тысяч пудов зерна —

Воспитательницы детских яслей Р. Дронова и Р. Ибатулина выносят коренных «целинников» на прогулку.

по 13,5 центнера на круг, если бы люди совхоза не научились воевать с капризной природой. Всю уборочную по пятам за комбайнами шли пахотные агрегаты, готовя почву под озимые и поднимая зябь. Всю зиму кружили по степи снегопахи, чтобы не ушли с полей талые воды. И не от сварливого характера коммуниста Бекирова, заведующая механизированным током, обнаружив в чьей-то машине горстку зерен неизвестного сорта, дает шоферу нагоняй. Так поступает здесь каждый рабочий, так здесь воспитаны люди.

Под тридцать и за тридцать тем, кто когда-то по путевкам комсомола, по зову своей совести приехал на целину. Стали солидными людьми. Отцы, матери семейств! А сердцем, характером — такие же горячие, напористые. И с прежним упорством решают свои новые задачи. Сегодня для них главное — ускорять процессы производства, удешевлять его. С посевной они справляются в три-четыре дня, с уборкой хлеба — недели в две. Механизмы — за одну-две минуты! — подают в грузовик зерно. Особые приспособления на машинах за четыре — шесть минут заправляют все три сеялки агрегата. На повышенных скоростях работает и новая и старая техника. Тот же трехсеялочный агрегат проходит в час почти семь километров. Все тока в совхозе механизированы. Ток, где хозяйкой Бекирова, за сутки очищает 250 тонн зерна. Людей же тут — два машиниста с двумя помощниками.

Пришла осень. Поставлены под навес комбайны, лафетные жатки. Прибраны тока. А забот не убавилось. Собирает молодых механизаторов на занятия бригадир тракторно-полеводческой бригады. Дотошно

проверяет качество очистки семян пшеницы агроном-семеновод. Над новыми технологическими картами, которые, как в зеркале, отражают технологию всех работ в полеводстве, склонились главный агроном и главный инженер. Все думают о хлебе. О будущем урожае.

Ленин предвидел время, когда земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, превратится в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники. Кто придет в «Декабрист», убедится: сбылось!

— ...Ай, нехорошо! Пришел гость, а в доме, как в сорочьем гнезде: шум, гам! Юрик, вытри Галочке нос! Ну вот и угомонились маленько. Наш татарский народ говорит: с детьми — базар, а без детей — могила. Умная поговорка. Какая, в самом деле, жизнь, если не вьется вокруг детвора! Соня, поди, дочка, купи хлеба.

Штукатур Фаина Насырова занята ответственным домашним делом:

Да, такой, видно, тут воздух!

В моем блокноте выписки из платежных ведомостей за один наугад взятый месяц — июнь. Г. Анохина — 135 рублей 63 копейки, А. Емцова — 142 рубля 78 копеек, Н. Копанева — 139 рублей 44 копейки, М. Медведева — 121 рубль 43 копейки. Дополнительная оплата за полгода: Анохина — 199 рублей 35 копеек, Емцова — 287 рублей 90 копеек, Копанева — 100 рублей 83 копейки, Медведева — 224 рубля 60 копеек. Все это доярки, птичницы. Среднемесячный заработок рабочего совхоза — 112 рублей. Вот она, оценка трудовой активности!

А подкрепляет ее и другое. За восемь месяцев совхоз продал рабочим 1 200 центнеров молока, 216 центнеров мяса, 220 тысяч яиц. Вынесены в сараи квашни, дежи: хлебом снабжает рабочих пекарня совхоза. В коллективе «Декабриста» 550 человек, а рабочую столовую только в Целинном посещает не меньше ста человек. Столуются и семьями. Для общественно-

А по вечерам призывно горят огни совхозного клуба...

укладывает в кадушку огурцы — готовит соленье. Работа не мешает разговаривать.

— У нас с Борисом — ни мало, ни много — семеро: три мальчика, четыре девочки. Самая старшая наша, Роза, в восьмом классе, самой младшей, Раюшке, — два года. Соседки шутят: не иначе будешь мать-героиня без отрыва от производства! Это они к тому, что после родов только отгуляю по декрету — и на работу. Иная даже удивляется: «Столько детей, почему дома не сидишь?» Сидеть дома... Зачем? Ясли есть? Детский сад есть? Обед не успеешь сварить — так в столовой возьмешь. Чего еще надо? У нас в совхозе по пальцам перечтешь женщин, которые не на производстве, да и те временно, по семейным причинам. А так все на работе.

Фаина прикрывает деревянным кружком кадушку, снимает фартук.

— Не знаю, — мягко улыбается она, — воздух у нас такой, наверно, что каждой хочется быть с другими на равных. Давать пользу производству, вносить в дом свою долю!

го питания совхоз по себестоимости отпускает продукты. Поэтому обед из трех блюд с хлебом стоит 25—35 копеек, завтраки, ужины — и того дешевле. Правда, в соседнем совхозе «Ершовский» общественное питание налажено еще лучше. По 300 центнеров огурцов и помидоров, горы всякой иной огородной всячины взяли со своих поливных огородов ершовцы. Государству продали, себя, свои столовые обеспечили, соседям — тому же «Декабристу» и другим — отправили немало. А под огородами всего-то 40 гектаров. Вот что значит поливное земледелие!

Недалеко то время, когда и сюда, в совхоз «Декабрист», придет вода. И еще богаче, обильнее будет плодоносить земля. Руки людей труда и творческой мысли — надежные, верные руки — окончательно подчинят себе заволжскую степь.

Тамара КВИТКО

Фото С. КАРАСЕВА.

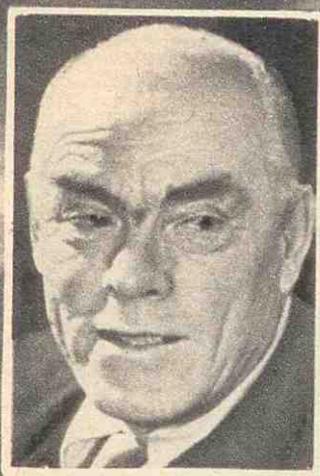
Ершовское производственное управление,
Саратовская область.

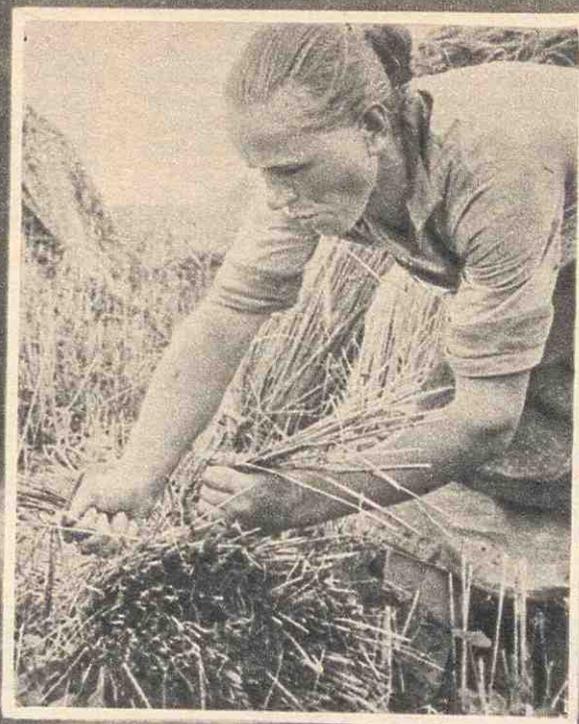
Вот какой стала сегодня центральная усадьба совхоза «Декабрист».

ЯЗЫКОМ ПРАВДЫ

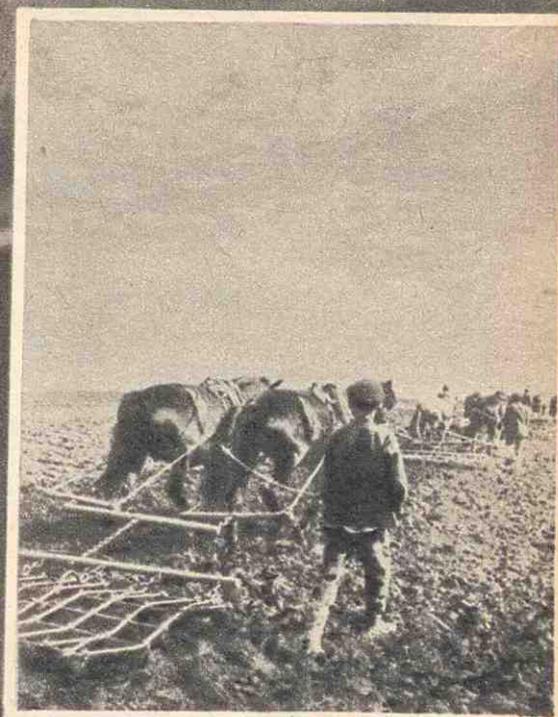
Сорок лет трудится в советской печати один из ветеранов нашего фотоискусства, Аркадий Васильевич Шишкин, и все сорок лет верен он своей излюбленной теме — жизни советского села. Этой теме и была посвящена выставка его работ, организованная Центральным Домом журналиста в Москве.

Идем от стенда к стенду, и перед нами оживает прошлое — российская нищая деревня, какой застала ее Октябрьская революция. По узкой полосе плетется крестьянская кляча, на ручки сохи тяжело налегает пахарь... А вот по серой, комковатой пашне шагает сеятель: домотканые онучи, разбитые лапти, рваный зипун, в руках лукошко с семенами. Что соберет по осени этот вятч с корявой своей пашни?

Тяжела ты, долюшка женская.

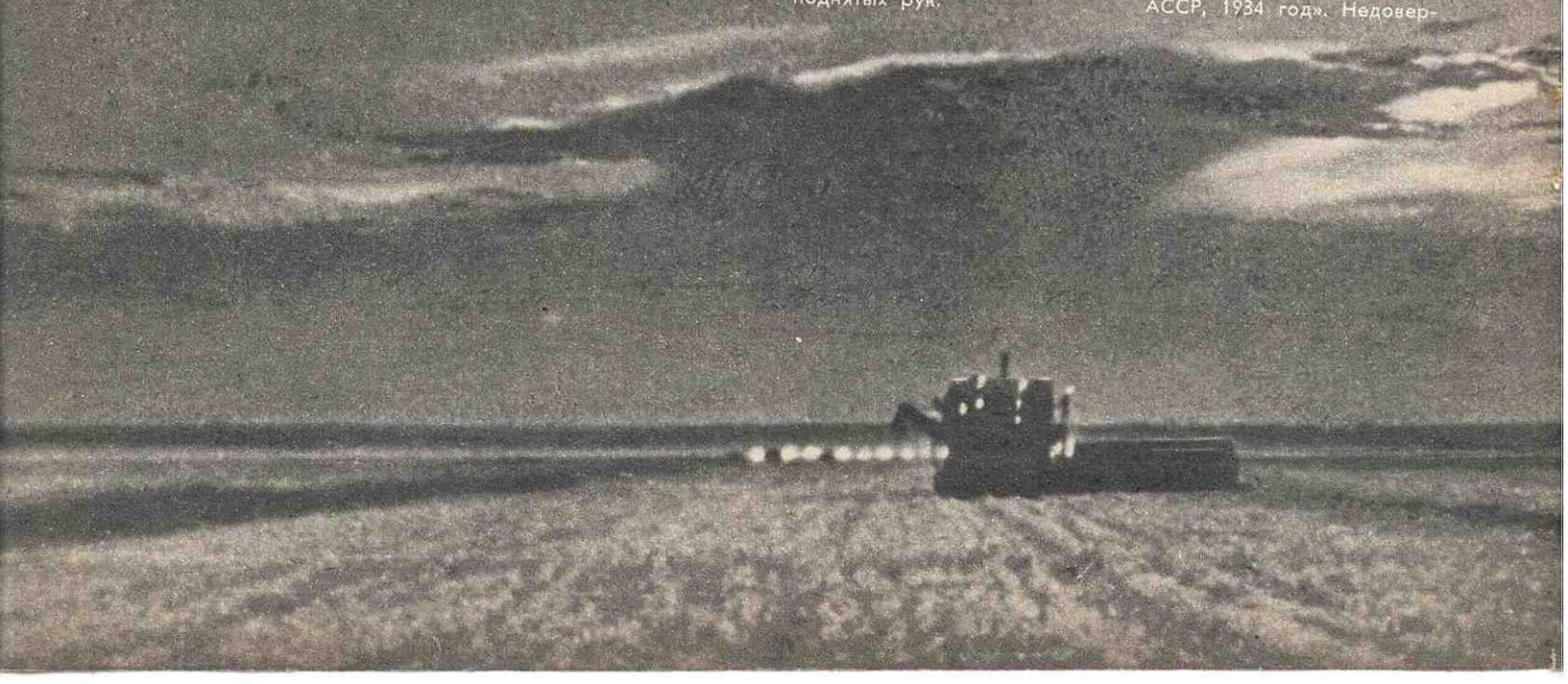
Первая колхозная весна.

Низко склонилась над охапкой ржи жница, ее дочеря сожженное солнцем лицо покрыто мелкими каплями, и невольно вспоминаются горькие некрасовские строки: «Слезы ли, пот ли у ней над ресницею, право, сказать мудрено...» А рядом, под наскоро сложенными снопами, дети. Меньшой исходит плачем: он голоден, сомлел под жгучим солнцем. И опять неотвязно звучат в памяти слова певца крестьянской нужды и горя: «Слышится плач на соседней полосыньке, баба туда — растрепалися косыньки...»

Октябрьская революция положила конец вековой крестьянской беспросветности. Нет больше помещика, кулака-эксплуататора. Земля принадлежит тому, кто на ней трудится. Но как и чем беднякам поднимать эту землю? Великий Ленин, Коммунистическая партия указали трудовому крестьянству единственно правильный путь. «Мы за колхоз» — так называется картина-фотография мирского схода в деревне Родигино, Нижегородской губернии. Серьезные, полные сдержанного волнения лица, лес поднятых рук.

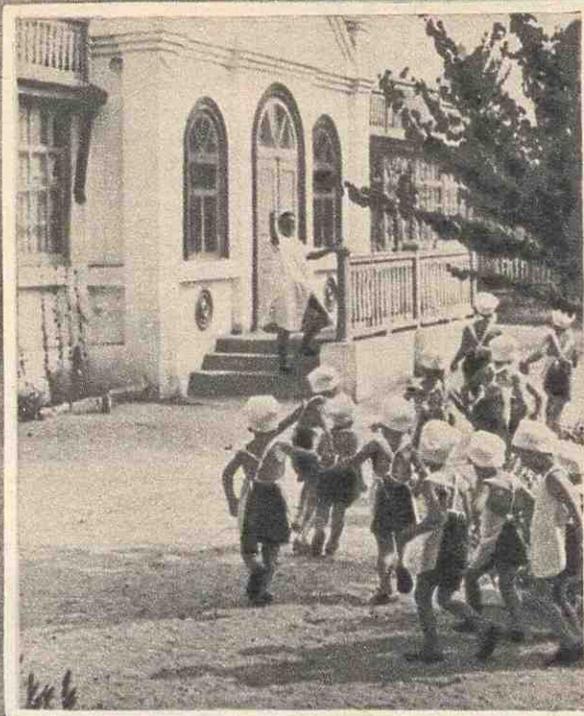
И в селах уже закипает жизнь по-новому. Вот крестьяне свозят в общий фонд немудрые свои сельхозорудия, сводят коней...

«А получится ли?» — читаем мы раздумье на лице пожилого крестьянина, только что вступившего в колхоз. Получается, и еще как! — будто отвечает ему фотография «Первая колхозная весна»: распахивая межи, дружно идут по широкому полю упряжки. Молодая Советская власть шлет на село первые машины; автор так и назвав это фото — «В деревню пришли машины. Марийская АССР, 1934 год». Недовер-

Н. Г. Заглада.

В колхозном детском саду.

Е. Долинюк и А. Ладани в мастерской художника П. Розина.

чиво, с опаской смотрят на невиданные «чудища» старики, деловито обсуждают качества «железных коней» молодые. Это пока еще маленькие колесные «фордзоны», но все же 15 лошадиных сил — шутка ли!

Так шаг за шагом, год за годом... Будто не от стенда к стенду идешь, а чья-то дружеская рука ведет тебя через прожитое все вперед и вперед. И вот уже наше сегодня.

Необъятные, тщательно обработанные мощными отечественными машинами поля, утопающие в зелени добротные дома колхозников. А это что? Светлый

трехэтажный корпус, уютная современная квартира... Город? Курортный поселок? Нет, это центральная усадьба краснодарского колхоза имени Кирова, уже вступившего в завтрашний день. Мы видим колхозные детские сады, которым, пожалуй, позавидует город. Могла ли об этом даже мечтать та одинокая жница?

Не ищите сегодня и жниц. У крестьянки советского села иная доля. Она водит сложнейшие машины, командует техникой на фермах, овладевает наукой. Вот они, славные дочери нынешнего крестьянства! Это их запечатлел А. Шишкин: Па-

ша Ангелина, смелая запевала многотысячной армии советских трактористок; Турсунной Ахунова, заменившая со своим хлопкоуборочным комбайном сто человек. Сияет белозубой улыбкой знатная кукурузоводка Люба Ли. А чье это такое знакомое, приветливое лицо? Да это же Надежда Григорьевна Заглада, знаменитая украинская звеньевая, показавшая образец истинно коммунистического отношения к труду, к общественному достоянию. Она снята совсем молодой, но уже и тогда гремела о ней слава как о замечательной мастерице-льновод-

ке. Какие полные достоинства лица, какая спокойная уверенность в завтрашнем дне чувствуется во всем облике этих женщин!

Тонкий художник Аркадий Васильевич Шишкин не гонится за внешними эффектами. Но каждый его снимок — будь то обычный рабочий момент в поле, на ферме или портрет сельского труженика — ярче слов говорит о героике наших дней, о трудовых подвигах простых советских людей, о мудрости ленинской партии, уверенно ведущей трудовой народ к новым и новым победам.

Т. МИХАЙЛОВА

НОЧНОЙ РЕЙД

Рассказ

Владимир ДЯТЛОВ

Рисунок М. СТРИЖЕНОВА.

Пахнувший талым снегом ветер продувал Галин ватник, как ситцевую кофточку. Из прокуренного тепла полевого стана она выскочила пулей. В ушах все еще звучали слова бригадира:

«Перепахка и пересев, девочка, денег стоят. Поставить тебя на полевые работы не могу. Будешь на подвозе кормов работать и вообще на транспортировке...»

А Петька сидел там, сидел как равный среди старых механизаторов. Он будет пахать, сеять, культивировать, а она... В школе механизаторов Петька и теорию и практику сдал хуже нее. Но бригадиру на это наплевать, он об оценках не спрашивает. Месяц назад в зимнем парке Петька нудно говорил Гале о своей любви к ней. А вот сейчас, когда ее так обидели, он даже не вышел вслед за ней, ни единого теплого словечка не сказал...

В лесополосах грязными кучами лежал снег. В сторону от дороги и шагнуть страшно: завязнешь, как муха на липучке. Весна запаздывала. Районная газета призывала использовать для полевых работ каждый погожий день, но тучи плотным пологом заслоняли солнце. Галин «Беларусь», с вечера отмытый до блеска, через полчаса работы становился похожим на громадный ком грязи. Суетливо виляя передними колесами по глубокой колее, он перетаскивал тележки с зерном и силосом, бидоны с молоком и мешки с суперфосфатом.

А потом словно заслонку для туч кто-то поставил. Теперь целыми днями над Галей висел синий купол, а по ночам ехидно подмигивали ей яркие звезды: «Тележки возишь? А в поле уже пашут!»

Пришло горячее время. Длинноносый учетчик каждый день проставлял на большом фанерном щите выработку механизаторов. Кончик учетчикова носа старательно следовал за кусочком мела. Цифры и буквы у него получались кособокими, в финтифлюшках.

— Полевые работы — это бой. Цифры — итог сегодняшнего сражения. Вот этот — орел. Три нормы! А Петька твой — мокрая курица. Ноль целых шестьдесят пять сотых нормы...

— Петьку можете взять себе, — обижалась Галя. Ее фамилии на щите не было, транспортные работы не приравнивались к полевым.

— Ты, девочка, наш батальон боевого обеспечения.

Но даже такое громкое сравнение не устраивало Галю, и она злилась на учетчика:

— Цифры, Петр Митрофанович, у вас несолидно выглядят. Излишеств много.

Учетчик не обижался:

— Всю жизнь через это страдаю. В войну в писаря попал. Дали мне ведомость переписать. Переписал. Так комбата от моего мастерства чуть кондрашка не хватил. Велел и близко меня к этой должности не подпускать. Ничего, может, через это танкистом стал. И сейчас бы на тракторе воевал, если б на войне не изувечили.

Спотыкаясь на каждой букве, царапает мелок по доске, на которой не значится Галиной фамилии.

И снова за трактором тележка: прицепила, отцепила, нагрузила, разгрузила; вечером оглянулась — и посмотреть не на что, не видно работы.

Приходил Петька.

— Все серчаешь на меня?

— А чего мне на тебя серчать, Петруша? Любовь твоя вроде воскресного приложения к газете.

— Сравнила тоже... — Петька шмыгает носом, потому что сказать ему больше нечего. Немного погодя продолжает: — Может, и не про любовь пришел я говорить...

— Значит, производственные вопросы обсуждать будем? И тут у нас общих интересов нет. — Галя громко смеется.

Петька смотрит в Галины глаза — смеха в них нет, печаль ледяшкой застыла.

— К вечеру отправишься в мастерские, прицепишь навесной культиватор и на полевой стан доставишь, — распорядился бригадир.

Вагровый шар солнца опустился за серый горизонт, когда Галя, навесив на трактор культиватор, выехала из ворот колхозных мастерских.

Дорога шла по краю поля озимой пшеницы. За лесополосой щедрую зелень озими сменила чернота пахоты, по которой ровными строчками выстроились ростки кукурузы.

«Вот бы куда культиватор!» — подумала Галя.

Остановив трактор, она достала гаечный ключ и отвернула гайку. Огляделась по сторонам и принялась собирать сухие будылья прошлогодней кукурузы. Заметив вдаль бригадирскую бедарку, бросилась к трактору и отвернула еще одну гайку, чтобы картина неисправности была более правдоподобной.

Смирнов из бедарки не вылез.

— Ну, что у тебя там стряслось?

— Топливная система забилась, — ответила Галя, не поднимая головы от мотора.

— Одна у вас с Петькой система: час работы, два простоя, — зло сказал бригадир и стегнул коня кнутом.

Закрепив отвинченные гайки и убрав ключ, она воткнула в неподатливую землю несколько кукурузных стеблей корнями вверх. Каждый корешок-растопырка обозначал гнездо кукурузных ростков, между которыми должен пройти культиватор.

В получившиеся рядки ввела трактор, колеса вошли в междурядья точно посередине, но, оглянувшись, Галя заметила, что три кукурузных корневища сбиты лапами культиватора.

— Бракоделы. Отремонтировали, называется...

Мотор работал на малых оборотах, задняя фара освещала клочок земли, а вокруг — непроглядная темень. В какое-то мгновение Галя почувствовала себя одинокой и совсем незащищенной. Стало страшно, и очень захотелось к людям, но еще больше хотелось поработать в поле, и она снова принялась за дело. Потом обострившийся слух уловил звук шагов. По спине поползли мурашки. Девушка до боли в пальцах стиснула увесистый гаечный ключ.

— Ты чего тут колдуешь?

Из ослабевших пальцев выпал ключ и ударил по ноге. Боль прогнала страх, и она обычным для разговора с Петькой тоном спросила:

— А тебе по ночам чего не спится?

— На хутор иду. Танцы сегодня в клубе. Пойдем, Галка?

— Гектаров пять прокультивирую, тогда пожалуйста.

— Я серьезно.

Петькины ноги ступили в освещенный круг. Галя увидела стрелки добросовестно отглаженных брюк и новые туфли.

— Я тебе говорю: буду культивировать.

— Ночью?

— Ночью.

— Без разрешения?

— Специально для меня из Москвы разрешение при-
слали. Министр написал, чтобы я культивировала только ночью.

— Попадет тебе, Галка. И за горячее попадет, а за срезанные рядки штраф такой закатают, что...

— Ты меня, Петька, не пугай,— сказала Галя и решительно нагнулась к культиватору.

Звонко застучал металл о металл. Петька, опасливо озираясь, подыскивал предлог для того, чтобы уйти «от греха подальше».

— Включи передние фары да поищи стык рядков. Чего стоишь без дела?

— Ты не очень командуй, поняла? Я потом кашу расхлебывать не желаю,— сказал Петька, но поручение выполнять пошел.

Кукуруза поднялась сантиметров на двадцать, рядки были хорошо видны, и стык он нашел быстро. Пока искал, чем его отметить, рыкнул мотор, и Галя потребовала:

— А ну, показывай, куда вводить трактор!

Петька видел, как колеса вошли точно туда, куда надо, и снова испугался.

— Брось, Галка! Выгоняй назад машину, поняла?

— Уйди с дороги!

— Под суд пойдешь!

— С дороги!

Ощерившись рубчатой облицовкой радиатора, трактор пополз на Петьку, и он, не выдержав, прыгнул в сторону.

— Куда прешь?

— Когда меня, Петя, судить будут, я скажу, что ты мне помогал.

В свете задней фары Петька увидел потемневшие от рыхления междурядья и крепкие ярко-зеленые всходы кукурузы. Два растения лежали, срезанные культиватором. Желтоватый огонек удалялся, и перепуганный Петька крикнул ему вдогонку:

— Дура! Не помогал я тебе, поняла? Не по-мо-гал!

Петр Митрофанович долго не мог понять, что мешает ему спать. Где-то в поле гудел трактор. По выхлопу учетчик определил: ходит за лесополосой «Беларусь».

«И чего мотается туда-сюда? Петька, чертов сын, его мордует, что ли?»

А мотор все гудел и гудел.

«Сдурел он, что ли?» — окончательно рассердился учетчик и, одевшись, вышел из дому.

Ночь, безлунная, многозвездная, предстала перед ним во всей красе. Тракторный мотор в застойной ночной тишине звучал дерзким вызовом.

«По кукурузе гоняет, проклятый!» — на слух уточнив расположение трактора, решил Петр Митрофанович и пошел не в обход, по дороге, а через лесополосу. В темноте реденькая лесополоса словно превратилась в непроходимые дебри: куда ни повернешься — натыкаешься на

сухие острые сучья. С облегчением вздохнул, выбравшись на кукурузное поле. Здесь было светлее, а главное, привычнее.

«В самую середину залез, сосунок. Пьяный напился, что ли? — размышлял Петр Митрофанович, идя наперерез далеким огням. Под сапогами сухо потрескивала земляная корка. — Культивация нужна, хоть кричи, а когда успеть столько земли исковырять...»

Все ближе рокот мотора, все ближе огоньки. Петру Митрофановичу слышно, что трактор идет ровно, на небольшой скорости. «Культивирует», — мелькнула догадка, и, словно в подтверждение ей, ноги мягко зашагали по взрыхленной земле.

— Стоп, танкист! — скомандовал себе учетчик и, нагнувшись, оцупал кукурузный росток. — Вот так у нас рядки идут. Значит, рядышком еще кукуруза должна быть. Есть... есть... Порядочек в танковых войсках!

«Кто же этот ночной рейд устроил?» — размышлял учетчик, поджидая трактор.

Когда «Беларусь» остановился рядом, Петр Митрофанович распорядился:

— А ну, покажись, герой!

Галя прыгнула с трактора.

— Вот так шплинт! Галка! Батальон боевого обеспечения вышел на передний край. Как же это ты? Без разрешения бригадира... Ах, молодец дивчина! Наверное, и сама не соображаешь, что сделала. Переворот в тактике и стратегии! Говорят, что ночью культивировать нельзя, а ты влезла в рядки и доказала, что можно. Я проверил, кукуруза цела. А может, дальше все поле испоганила?

— Если испоганила, отвечать буду.

— На черта твоя ответственность! Урожай нужен. Утречком увидим: к награде или на скамью подсудимых тебя представлять.

— Сто раз проверяла. Рядки под фарами, как днем, видно. Пошли, сами посмотрите. — Галя потянула учетчика за рукав.

— И так вижу. Ладно, ваяя дальше в том же духе. Только учти, что и я теперь в ответе. Видел безобразие, а в корне не пресекал.

— Работа — не безобразие.

— Потому и не пресекаю. Жми, а я спать пошел.

— Спасибо, Петр Митрофанович!

Долго еще бродил учетчик по полю, прощупывая кукурузные рядки, а потом зашел в лесную полосу, выбрал местечко, сел на траву да так и просидел до рассвета, слушая монотонную песню мотора.

Не успело солнце выкатиться из-за далеких степных увалов, как на дороге показался грузовик. Из кабины высочил бригадир, из кузова — трактористы.

— Вот-вот, посмотри,— усмехнулся Петр Митрофанович. Он с трудом распрямил затекшую спину и пошел к бригадиру.

Галя остановила трактор. Лицо девушки осунулось, но серые глаза смотрели на бригадира задорно, даже вызывающе, только в зрачках нет-нет да и пробегали тревожные искорки.

Бригадир молчал. Молчала и Галя, ждала.

Петр Митрофанович шагами измерил ширину прокультивированной полосы.

— Девять гектаров обработала, больше половины дневной нормы.

— Всю ночь каталась? — спросил бригадир у Гали.

— Не каталась, а культивировала.

— Кто же тебе разрешил?

Равнодушные глаза бригадира смотрели на переднее колесо трактора.

— Тебе бы на складе металлолома работать,— тихо сказал бригадиру учетчик.

— Это почему же?

— Людей там нету, одни железки...

Петька глянул на огорченное Галино лицо, оценил обстановку и заявил:

— Не помогал я ей.

— Зря,— сказал Петр Митрофанович.

— Чего зря?

— Не помогал зря.

На Петьку смотрели кто с любопытством, кто с усмешкой.

— И уродится же такой! — Пожилой тракторист сплонул в сторону и протянул Гале широкую, как лопата, ладонь. — Бери в напарники! Все равно на твой трактор вторую смену надо.

Вспомним хотя бы эпизод матросского бала. Через несколько часов полк отправляется на фронт. Да, впрочем, еще не полк, а разнородная матросская масса, привыкшая к анархии и самоуправству. Но в минуту прощания с близкими матросы испытывают одни и те же чувства.

Оркестр играет вальс. Дети прижимаются к отцу. Старая мать скорбно приклонилась к сыну. Может быть, первый раз кружится в вальсе тоненькая девушка с широко открытыми глазами. Ее бережно держит молодой матрос. Эта девочка для суровых, недобрых, а порой и жестоких людей — воплощение всего лучшего, светлого, чистого. И каждый перед боем хочет вспомнить любимую, невесту, жену. Девушка танцует то с одним, то с другим. И лица матросов становятся мягче, ласковей, одухотворенней.

За этой сценой пристально наблюдают два человека: Вожак, нынешний властитель корабля, и женщина Комиссар, посланная партией в этот анархический полк. Первый смотрит неприязненно и злобно: ему чужды простые чувства, для его власти опасно истинное товарищество и человечность. Другое — Комиссар. Она внимательно всматривается в лица, старается понять этих людей и найти пути к их сердцам, увидеть доброе, что заложено в каждом. Крупным планом лицо Комиссара. Затем — Вожака. Они молчат. Но каждый понимает, что между ними начинается острая, непримиримая схватка, в которой один из них обязательно погибнет. Гибнет Вожак. Гибнет и Комиссар. Но и побеждает Комиссар. «Иногда и смерть бывает партийной работой».

Чтобы увериться в этом, нужно проследить за ее умной борьбой за души людей, начиная с первого появления на корабле до трагического финала.

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЕ

Морские волны набегают на берег. Разбиваясь о скалы, с грохотом катятся обратно. Штормовое море омывает высокий постамент памятника матросам революции. И, перешагнув через десятилетия, к нам, людям шестидесятых годов, обращаются герои Октября.

Пристально всматриваясь в зрительный зал, говорит человек в матросской форменке: «Это наши потомки. Наше будущее, о котором, помнишь, мы тосковали когда-то на кораблях... Гляди веселей, революция! Полк обращается... к потомству».

Таким страстно взволнованным разговором со зрителем начинается фильм «Оптимистическая трагедия», поставленный по известной пьесе Всеволода Вишневского режиссером Самсоном Самсоновым.

Фильм рассказывает о героическом прошлом, о беспримерном подвиге балтийского полка, прошедшего с боями путь от Кронштадта до Черного моря, о событиях, которые для многих поколений уже стали историей. Этот фильм по своей идейной направленности, образному строю оказался по-настоящему современным, обращенным в сегодняшний день.

«Пусть юноши и девушки на комсомольских стройках, на целинных землях, в строгой тиши научных лабораторий увидят в героине черты, близкие и родственные им, потомкам солдат революции», — говорит режиссер С. Самсонов.

Честно, красиво и мужественно прожили жизнь солдаты Октября. Для победы революции они делали все, что могли, даже больше, чем могли. Пусть они спят спокойно. Знамя революции в надежных руках их сыновей и внуков. Идет наступление, революция продолжается.

Именно своим романтическим пафо-

сом, величием характеров и событий прежде всего волнует «Оптимистическая трагедия». Этими качествами отличается взрывчатая, темпераментная драматургия Всеволода Вишневского. Они явились нам и в лучших сценах фильма, тонко и изобретательно поставленных режиссером С. Самсоновым и оператором В. Монаховым.

Образ Комиссара не был лишь талантливым вымыслом драматурга. Он был навеян временем, революцией. В какой-то мере образ Комиссара был подсказан драматургу биографией журналистки Ларисы Рейснер. Она вышла из профессорской семьи, с юных лет включилась в революционную борьбу, а в гражданскую войну была назначена комиссаром на корабль. Но это была, конечно, не единственная судьба революционерки, которая помогла драматургу осмыслить романтический образ главной героини.

Таким романтически приподнятым прочел образ Комиссара автор фильма.

Таким показала его в фильме актриса Маргарита Володина. Вот она легкой уверенной походкой идет по палубе военного корабля. Взгляд ее сосредоточен, выражение лица напряженное. Кажется, что эта красивая, интеллигентная женщина взяла на себя непосильную ношу — обуздать взбунтовавшихся анархистов, подчинить своей воле непокорных моряков. Но Комиссар — человек большевистской закалки, железного характера. Она из славной гвардии тех, о которых Юлиус Фучик писал: «Герои пролетариата очень просты и обычны. Их героизм заключается только в том, что они делают все, что нужно делать в решительный момент». И в решительный момент Комиссар убивает распясавшегося кочегара, который подослан анархистами для того, чтобы опозорить эту хрупкую, но бесконечно мужественную женщину. Для того, чтобы завоевать сердца матросов, ей придется пережить еще много подобных моментов, в которых раскрывалось подлинное существо героизма.

Комиссар не только беспредельно мужественный человек, но и умный политик и тонкий стратег. Постепенно она развенчивает дутую славу Вожака, рас-

крывает всем его звериную, человеконенавистническую сущность. Постепенно, терпеливо обращает она в свою веру матроса Алексея, одного из помощников Вожака. В этом смысле большое значение имеет в фильме сцена спора с Алексеем, спор о «моем» и «нашем». Она очень точно объясняет матросам, за что они борются, в чем высокие идеалы революционной борьбы. Не за мелкие собственнические интересы, а за свободу для всех живущих на земле. Из этого трудного спора она выходит победителем. И смерть Комиссара в финале картины — это также ее победа. Теперь уже никогда не изменят своему революционному долгу моряки, которые скорбно склонили головы перед Комиссаром. Она указала им путь в бессмертие.

В фильме «Оптимистическая трагедия» много актерских удач. Отлично сыграл Вожака актер Б. Андреев. Он беспощадно разоблачил подлую суть этого тирана и демагога, показал отвратительную природу индивидуализма.

В. Тихонов в роли Алексея нарисовал сложный, противоречивый характер мятущегося человека, который жадно тянется к правде.

Очень своеобразен В. Санаев в роли лживого и коварного Сиплого, прихвостня Вожака.

«Оптимистическая трагедия» вышла на экран. Фильм за короткое время завоевал признание не только советского, но и зарубежного зрителя. На международном кинофестивале в Каннах картина получила специальный приз за наилучшее воплощение революционной эпопеи. Фильм учит романтике революционного подвига, служению высоким идеалам ленинизма.

М. КВАСНЕЦКАЯ

ГЛАВНОЕ —

НАЧАТЬ

Густые сумерки заволакивали село. Притихли улицы.

Но вот тишина оборвалась. Переваливаясь с боку на бок, прошла машина, другая. Скрипнули тормоза — машины остановились у темного здания бурукшунской школы.

В ее окнах вспыхнул свет и выхватил из темноты людей с голубыми ученическими тетрадами, учебниками в руках. Они высаживались из машин, а через несколько минут уже слушали объяснения учителей о том, как переводить простые дроби в десятичные, о законе сохранения энергии, о сложносочиненных предложениях.

Что же это, обычная вечерняя школа сельской молодежи? Но почему тогда в одном из классов — «Кабинете машиноведения» — ведет занятия Михаил Ипатьевич Погребной, главный инженер колхоза «Родина»? Вот он развесил над доской сложные схемы дизельного двигателя и начал говорить о системах охлаждения.

Машиноведения нет в программах вечерних школ.

Почему за стеной, в соседнем классе, директор школы историк Алексей Алексеевич Палухин посвящает урок международному положению?

Да и возраст учащихся порой далеко не юный. Вот Иван Иванович Шпехт. У него седые виски, учебник он читает через две пары очков.

Так что же это за учебное заведение?

Еще совсем недавно, прошлой осенью, его не было в селе Бурукшун. Была вечерняя школа, были курсы повышения квалификации механизаторов, был кружок политической учебы.

Но когда по всей стране развернулось движение за механизаторский всеобуч, задумались об этом и в колхозе. Изучать механизмы — дело нелегкое. Тут подготовка нужна, знание основ физики, геометрии. Некоторые колхозники никогда в жизни не сталкивались с этими науками, другие, что знали, позабыли.

И вот:

— Товарищи, внимание! Передаем важное сообщение.

Колхозное радио говорило громко. Люди отложили дела, прислушались.

— При восьмилетней Бурукшунской школе по решению педсовета и правления колхоза создается вечерний учебный комбинат. Слушатели комбината в течение трех лет смогут получить восьмилетнее образование, механизаторскую специальность, политическую подготовку. Вечерние занятия будут вести учителя школы и специалисты колхоза. Желающие могут подавать заявления.

А потом на полевых станах, в бригадах, на МТФ, в гараже прошли собрания. Учителя, колхозные специалисты, председатель колхоза Григорий Филиппович Сергеенко беседовали с людьми о необходимости учиться.

И в комбинат было подано сто пятьдесят три заявления. Конечно, помогло, что колхоз установил всем занимающимся пятипроцентную надбавку к зарплате, а окончившим комбинат — десятипроцентную. Но главное, людям захотелось да и понадобилось знать больше.

Самым трудным было составить учебную программу комбината. Общеобразовательные предметы решили было преподавать по плану вечерней школы. Но он не предусматривает изучения производственных специальностей: машиностроения, ветеринарии, зоотехнии. Как быть?

На помощь пришло крайоно — от туда была прислана по общеобразовательным предметам ускоренная программа вечерних школ-экстернатов. Так нашлись часы для изучения специальных предметов.

А организационные вопросы! Сколько, например, раз в неделю за-

Главный инженер колхоза Михаил Ипатьевич Погребной консультирует слушателей комбината.

ниматься? Решили — три. Уроки по специальностям наметили давать вперемежку с общеобразовательными: лучше будет посещаемость.

Для руководства учебным комбинатом в помощь директору Алексею Алексеевичу Палухину организовали совет из учителей, специалистов, комсомольских активистов, членов женсовета — словом, всей колхозной общественности.

И очень хорошо, что сделали так. Потому что каждый член совета предложил для работы комбината что-нибудь свое, ценное. Так, Лидия Владимировна Сергеенко, председатель женского совета, рассудила:

— В комбинате будут получать образование, квалификацию женщины.

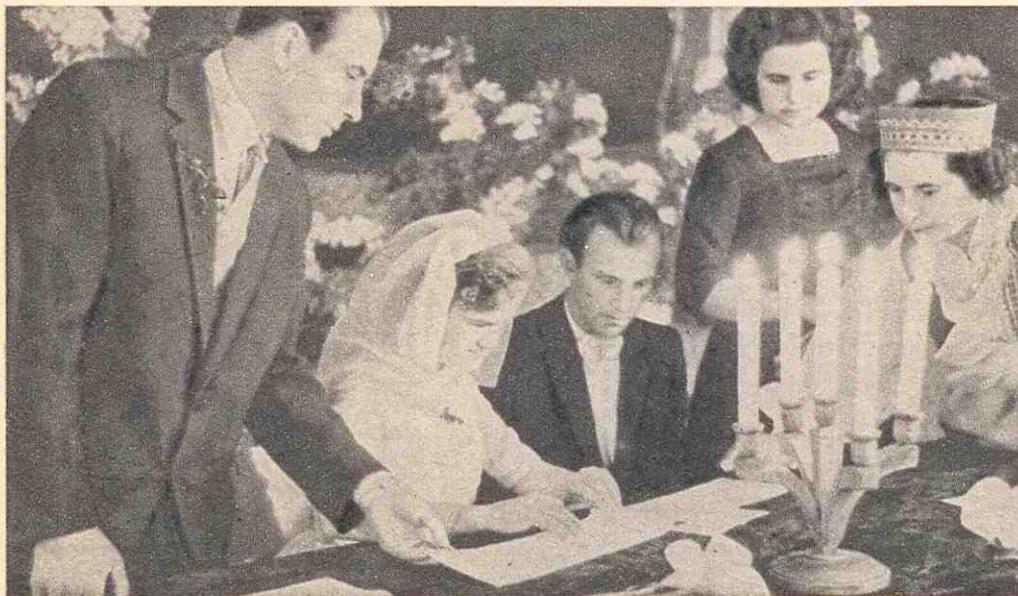
Но у них есть свои, особенные, женские обязанности: готовка, шитье. Хорошо бы, чтобы в комбинате они и хозяйское свое мастерство совершенствовали, чтобы становились мастерами на все руки — и в колхозе и дома.

Специально для женщин — учащих — комбината совет ввел занятия по домоводству.

И вот первого октября 1962 года сто пятьдесят три комбинатовца пришли на первый свой урок. Шли нарядной толпой от Дома культуры к школе. Гремела музыка. Светились лица.

Но вскоре...

— Бабаренко, почему вы не ходите на уроки?

Церемония была назначена на шесть вечера. Но уже с утра приготовления шли полным ходом: стол у сцены был завален охапками зеленых веток, три пожилые женщины носили воду и распределяли зелень по ведрам и кувшинам. И все же трудно было представить, что им удастся украсить этот огромный зал, пахнущий пылью и старым деревом. Не разумней ли было отложить сегодняшнее событие до конца сева, когда освободятся руки помоложе?

Мне ответили в той типичной латышской крестьянской манере, когда никак не разберешь, шутят с тобой или говорят серьезно: — Сеют каждый год, а женятся раз в жизни. Не грех по такому поводу и пострадать.

Когда я через несколько часов снова вошел в такое неприветливое утром зда-

В ЖИЗНИ РАЗ БЫВАЕТ

Иван, председателев шофер, кольнул директора взглядом.

— Не успеваю, работа такая, иногда и спать не доводится.

Алексей Алексеевич почувствовал неловкость — не знал он этого. И подумал: «Посещаемость занятий лучше контролировать председателю колхоза. Он знает занятость каждого».

Уже на другой день перед началом работы кое-кто из учеников комбината стоял в кабинете Сергеенко. Григорий Филиппович говорил, сурово насупившись:

— Да вы несознательные. Обманули. Такое дело срываете! Оказываются, колхоз не может на вас положиться.

Вечером многие «прогульщики» явились на занятия без опоздания. И стали ходить аккуратно.

И все-таки отсев был. Часть учеников ушла в армию, часть — сотарами на черные земли. Некоторые, конечно, и просто не осилили учебу. К январю 1963 года по итогам первого полугодия в комбинате было аттестовано девяносто пять человек.

Девяносто пять! Для начала это немало. В школу начали приезжать гости из соседних — Петровского, Апанасенковского — районов, из дальней Черкессии. Смотрели, расспрашивали:

— Как это вам удалось?

Алексей Алексеевич Палухин разъяснял:

— Конечно, может, и распался бы комбинат. Но нам колхоз, активисты, председатель помогли установить строгую дисциплину. Были ведь у нас ученики, готовые в кусты от трудностей спрятаться. Да и для тех, кто очень хочет учиться, не менее важна атмосфера нетерпимости к прогулам, халатности.

Алексей Алексеевич наперечет

Вот ведь как бывает: семиклассница Светлана «экзамену» папу-первокурсника комбината, колхозного овцевода Ивана Иосифовича Жданова.

знает всех своих учеников, знает, что кого привело в комбинат.

Вот Иван Тарасович Варишполь — заведующий гаражом, слушатель первого курса. Ему под сорок. На первом курсе вообще народ немолодой — те, кто давно окончил четыре-пять классов и больше учиться не смог.

Иван Тарасович — по-молодому задорный, быстрый человек. Про таких, наверное, говорили в старину: удалец. Он одним из первых принес свое заявление в комбинат.

Как-то поинтересовался директор: — Довольны, Иван Тарасович, что учитесь?

— Еще бы, — отозвался тот. — На моей работе всесторонняя грамотность необходима. Накладные, путевки и прочее. В гараже-то у нас не три машины, небось.

На третьем курсе комбината — молодежь, недавно окончившая семь-восемь классов. В комбинат пришли получать специальность.

Когда Алексей Алексеевич увидел

заявление Вари Баберенко, он спросил:

— Почему в комбинат? Ты же недавно окончила восемь классов!

Высокая тоненькая Варя сказала: — А я хочу дояркой стать. — И уточнила: — Вернее, мастером машинного доения.

В том, что все, кто пришел в комбинат, окончат его, Алексей Алексеевич не сомневается.

«Как знать, — думает он, — может, и дальше пойдут учиться — в среднюю школу, в институт. Особенно те, кто помоложе. Ведь главное — начать».

* * *

Да, главное — начать. Начало всегда трудно. Бурукшунцы, создатели учебного комбината, знают это очень хорошо. Зато тем, кто пошел по их следам, легче. А последователи у них есть уже во многих районах края.

М. СВИСТУНОВА

Ипатовский район, Ставропольский край. Фото А. ШАПИРО.

ние, то обомлел: вестибюль и зал теперь были, как свежесорванный, еще в каплях росы букет. Стол был убран традиционными при бракосочетаниях цветами — белоснежными каллами. К столу от самого крыльца вела ковровая дорожка, по ее краям тянулся национальный орнамент, выложенный из яблоневых лепестков.

К клубу подлетел «Москвич». Из него, поражая красотой национального наряда, вышла председательница сельсовета Мирдза Апсит. Ее окружила народная толпа. Оставалось ждать невесту и жениха.

Мне объяснили, что сегодня жених и невеста не палсманцы, «не здешнего сельсовета». Но молодые не захотели ограничиться регистрацией да торопливыми рукопожатиями. Вот 20-летний лесоустроитель и 19-летняя бухгалтер и отправились из своего леспрома

хоза в Палсмане. Они знали: палсманская председательница беспрепятственно обручает у себя новобрачных «со стороны» и даже выезжает «на места», дабы жители окрестных сел не понаслышке смогли оценить новый обряд.

Мирдза Апсит всей душой болеет за это дело. Не удивительно: она зачинщик и организатор его, как и множества других начинаний, связанных с улучшением быта односельчан.

Молодые запаздывали. Но ничего это не раздосадовало. Наоборот, с каждой минутой проволоочки в толпе росло хорошее настроение, поскольку к торжеству собрался самодеятельный хор и танцевальный ансамбль, а их участники, как известно, всегда народ боевой, веселый.

Наконец вдали показалась машина с огромной веткой сирени, воткнутой в капот, как в петлицу. За ней, вы-

держивая дистанцию, шла другая, а дальше катил грузовик, обряженный по кузову целым лесом березок и полный гостей.

Хор выстроился на сцене. Танцевальный коллектив, которому сегодня была назначена роль почетного караула, быстро разобрался по росту и застыл вдоль дорожки с алыми тюльпанами в руках. Вспыхнул свет. И вот рука об руку в дверях вестибюля появились жених и невеста и под «величальную», исполняемую хором, проследовали к столу. Началась церемония. На мой взгляд, она была хороша главным образом той атмосферой торжественного внимания, которая так необходима молодым в этот час. Песни, речи, стихи звучали сегодня только для них.

Вот уже все сказано, и все подарки вручены, молодые обменялись кольцами и поцеловались, а предсе-

дательница поздравила их и вручила брачные свидетельства.

Как только молодые собрались в обратный путь — играть свадьбу, — хор и почетный караул словно ветром выдуло из клуба. По древнему латышскому обычаю молодых не отпускают без выкупа. И девушки побежали к выезду из села, связывая пояса в одну длинную ленту, чтобы ею перегордить дорогу автомобилям.

Какая поднялась кутерьма, когда, выскочив из кустов, они бросились автомобилям наперерез! Наконец у них в руках очутилась бутылка вина и большая круглая коробка с тортом! Со своим выкупом они вернулись в клуб, где все еще толпился народ.

О. ДУМИНЬШ

Латвийская ССР.
Фото А. ИЛЬИНОЙ.

ДОВЕРЕННЫЕ НАРОДА

Александра Андреевна Шеменова слывет на Дону отличным животноводом. Проработала тринадцать лет дояркой, а последние четыре года руководит в совхозе «Горняк» бригадой. Коровы у нее все как на подбор: высокоудойные, ведерницы. Каждая дает около 4 тысяч килограммов молока в год.

Дела в бригаде Шеменовой идут слаженно. Но у Александры Андреевны не такой характер, чтобы довольствоваться только своими успехами. Ее, члена группы содействия партгосконтролю, беспокоят дела всего громадного хозяйства. Особенно внимательно присматривается Александра Андреевна к работе второй бригады, с которой соревнуется их коллектив. Соседи, нечего греха таить, работают неровно.

Вместе с другими контролерами Шеменова отправилась в эту бригаду, чтобы проверить, как там выполняются социалистические обязательства. Бригадир Яровой не ожидал гостей.

— А, соперники пожаловали!

— Не соперники, а помощники,— мягко поправила Александра Андреевна.

Яровой показал соседям стадо, выгон, посеы кукурузы для зеленой подкормки, все бригадное хозяйство. Когда подошли к стойлам, коровы, увидев людей, замычали на разные голоса.

— А где же корма? Почему кормушки пустые?— с удивлением спросила Шеменова.

— Да, понимаете, еще не успели подвезти,— покраснел Яровой.

— Ну, теперь ясно, почему вы получили за первое полугодие от коровы на 405 килограммов молока меньше, чем наша бригада.

Допоздна засиделись в тот раз бригадиры. Составили вместе график подвозки кормов, рассчитали суточную потребность стада в зеленой подкормке.

— Перебоев больше не будет,— дал слово Яровой.

И слово свое он держит. Вторая бригада за короткий срок добилась заметного повышения удоев...

Деятельность общественных контролеров в совхозе «Горняк» становится все более разносторонней.

Марфа Федоровна Агеева, например, заметила, что некоторые комбайнеры в начале уборки плохо подбирали валки, допускали потери зерна. Проверить этот сигнал поручили инспектору по качеству Евдокиму Петрову. Факт подтвердился. Одним из бракоделов оказался комбайнер Кирилл Калашников. В погоне за гектарами он мало заботился о качестве работы. На бракодела было наложено взыскание. Это повлияло не только на Калашникова, но и на других недобросовестных комбайнеров.

Заслуженным авторитетом пользуется среди односельчан Александра Георгиевна Бабанина, работница кормокухни свинофермы. Много потрудились она для того, чтобы ликвидировать потери зерна при перевозке его с токов.

Какие еще «узкие места» устранены в хозяйстве с помощью общественных контролеров?

Совхоз приобрел якобы для строительных целей камнерезную машину, заплатил за нее большие деньги, а потом оказалось, что без нее в хозяйстве вполне можно обойтись. Приобрел же ее совхозный инженер в надежде, «авось, пригодится». Некоторые механизаторы, видя, что машина не у дел, стали снимать с нее отдельные детали.

Этот факт вскрыли общественные контролеры при проверке хранения и использования техники. Они потребовали от дирекции совхоза продать машину и деньги возвратить в совхозную кассу.

В третьей бригаде начали монтаж доильной установки «елочка». Прошел месяц, второй, а дело двигалось плохо. Доярки не раз обращались к инженеру, ведавшему монтажом:

— Когда же «елочку» пустите?

— Когда смонтируем, тогда и пустим.

Снова шло время. И снова инженер только отмахивался от вопросов.

Доярки обратились за помощью к общественным контролерам. Те выяснили, что причин затягивать монтаж нет. Вскоре установка начала действовать.

С помощью контролеров был также наведен порядок в организации и оплате труда работников ферм, в учете животноводческой продукции.

Совхоз «Горняк»,
Октябрьское производственное управление,
Ростовская область.

Г. ДОРОЦЕНКОВ

ХОРОШАЯ И ИНТЕРЕСНАЯ ЭТА РАБОТА

Дорогие товарищи, я впервые пишу письмо в редакцию. А побудило меня написать вам вот что. Прочитала я в журнале статью «Крестьянка и машины», в которой вы приводите строки из дневника эстонской трактористки и комбайнера Эльмины Отсман.

То, о чем она писала в 1948 году, наблюдается и сейчас еще. У меня такая же профессия, как у Эльмины Отсман. Я трактористка. Правда, работала трактористкой мало, курсы окончила только прошлой зимой. У нас на курсах училось 26 мужчин и 4 женщины. Когда мы учились, то кое-кто говорил: «Они только пошли зиму пересидеть да деньги ни за что получить». Но экзамены мы сдали с хорошими оценками, даже лучше иных парней. Пришли в коллектив трактористов, и там нашлись маломыслы: «Это не женская работа, зря вы учились». Дали мне трактор «ДТ-20», а моей подруге Лене — «Беларусь». Валя стала подменной трактористкой. А Оле не доверили трактора, и работает она на разных работах.

Я так скажу: конечно, для женщин гусеничный трактор тяжеловат, а вот колесный, как сказал наш агроном, — это женская машина. И если б на трактор «ДТ-20» повсюду сели женщины, насколько бы выросла армия механизаторов!

Надо добиваться, чтобы нам больше доверяли. Не пойте меня так, будто я жалуюсь. Я понимаю, доверие надо заслужить. Каждый день мы доказываем, что умеем работать не хуже мужчин.

Работу мою строго контролируют. И это хорошо. Успехов больших я еще не добилась, но надеюсь, что добьюсь. И мои подруги тоже. Два раза нам уже выносили благодарность за хороший уход за посевами.

У нас на отделении есть много хороших, чутких людей, у которых всегда хватает терпения и времени подсказать, помочь, поучить. Это инженер Макаров, механик Доброван, директор Устинчик, звеньевые Тарапка и Чернов, трактористы Гуцало и Бевз. Большое им спасибо!

Мне 22 года, муж мой тоже тракторист, у нас есть двухлетний сын Сашко. Тракторы у нас работают в две смены. В период полевых работ открыты детский сад и ясли, так что мы можем спокойно трудиться.

Я и мои подруги советуем женщинам и девушкам смело садиться за руль трактора — хорошая и интересная эта работа.

Опытная станция,
г. Кировоград.

Мария КРЫКУНЕНКО

БЕСПОКОЙНЫЕ.

Н. РОДИОНОВА, В. РОДИОНОВ.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР.

МОСКВА. НОВЫЙ РАЙОН.

В. СТЕКОЛЬЩИКОВ.

ПУСТЕЛЬГА

Каждый колос добрым грузом полон...
Хоть жара повсюду залегла,
День-деньской несет дозор

над полем

Храбрая пичуга пустельга,
Не помогут никакие лазы,
Никуда не скрыться грызунам!
Страж пернатый, ловкий,

зоркоглазый,

Как боец, упорен и упрям.
Высмотрит — и камнем рухнет с неба,
Не упустит своего врага.
Сколько зерен золотого хлеба
Сохранила людям пустельга!
А назвали птицу пустельгою...
Ей такая кличка не к лицу.
Нужно имя подобрать другое
Этому пернатому бойцу.

СЕЛО ПОСРЕДИНЕ РОССИИ

Я вижу без всяких усилий,
Широтам земным вопреки,
Село посредине России,
У синей излучки Оки.
Радушные эти березки,
Что встали на каждом дворе,
Видны до малейшей бороздки
На белой молочной коре.
И светятся стекла оконниц.
Полощется ситец рубах.
А в поле, у самых околиц,
Земля

утонула

в хлебах!

Бушуют хлеба по округе,
Под утренним ветром дрожа.
Я знаю упрямые руки,
Растившие тот урожай.
Они узловаты, шершавы,
В кремневых мозолях крутых,
И все же

планета, пожалуй,

Надежно удержится в них!

ХЛЕБ

У булочной
Какой-то парень дошлый,
Развязным молодечеством гордясь,
Ботинком с микропористой подошвой
Довесок хлеба

подфутболил

в грязь.

И зашагал походкою беспечной,
Выскивая, как себя развлечь.
Что за беда,

ведь хлеб — товар копейчный.

Подумаешь,

о чем вести тут речи!

...А вот такому
Встать бы до рассвета,
И целый день
За тракторным рулем
Под хлестким ливнем,
Под холодным ветром
Пахать тугой целинный чернозем,
И рожь спасать,
Когда пылает небо
И летний зной

не остудить никак.

Тогда-то

Он

узнал бы

цену хлеба,
Гуляя в налоцных башмаках.

К 700-летию со дня смерти

Александра Невского

ТАМ, ГДЕ СРАЖАЛИСЬ

НАШИ ПРЕДКИ

На сверкающей ледяной равнине Чудского озера 5 апреля 1242 года состоялось сражение, которое вошло в историю под названием «Ледовое побоище».

Русскую рать вел новгородский князь Александр Ярославович (1220—1263). Он знал: за спиной у русских дружин земля, которая должна быть свободной. На нее посягал Запад. Мечами ливонских рыцарей он хотел сделать то, чего не смогли добиться татарские орды Востока.

Несмотря на молодость, Александр был знаменитым полководцем. Это он разбил на Неве в 1240 году шведов и стал в честь этой битвы называться Невским.

Более семи веков пронесли над Чудским озером. Все так же звучит на его берегах наша речь и идет наша русская жизнь.

Многие годы ученые пытались определить место, где была одержана победа над ливонскими рыцарями. Это, казалось бы, не должно было вызывать особых затруднений, так как летописец указал, что сражение произошло «на Чюдском озере, на Узмени, у Воронеи Камени». Тем не менее найти это место было трудно, так как битва велась на льду замерзшего озера и не оставила после себя на суше никаких следов. Поиски особенно осложнялись тем, что за истекшие столетия значительно изменились очертания берегов озера, да и названия, упомянутые в летописи, не все сохранились.

Все это потребовало всесторонних изысканий. В научной экспедиции на Чудское озеро принимали участие и историки, и археологи, и водолазы, и летчики.

В результате тщательного изучения района Теплого озера, отделяющего Чудское озеро от Псковского, группой ученых Ленинградского отделения Института археологии Академии наук была составлена карта с указанием берегов, особенностей геологического строения дна озера и его ледового режима, путей сообщений, поселений, пограничных укреплений и т. д., какими они были в XIII веке, при Александре Невском.

Вороний Камень был обнаружен под водой вблизи острова Городецкого. От камня сохранилось лишь основание да остатки валов примыкавшего к нему когда-то древнего укрепления.

Геологическое и гидрологическое исследования показали, что Вороний Камень находился в XIII веке на западной оконечности обширного острова, остатками которого и являются в настоящее время остров Городецкий и отделившийся от него примерно 500 лет тому назад остров Вороний. В те далекие времена Камень возвышался над водой в виде холма с крутыми склонами и был хорошо виден с проходивших мимо судов. Это удобное для наблюдения за озером и противоположным вражеским берегом возвышенное место и было выбрано для устройства пограничного укрепленного «городца», от которого и остров получил название «Городецкий».

В прошлом столетии Вороний Камень еще поднимался из воды, и местные старожилы помнят, как на него высаживались для отдыха рыбаки. Но вода и воздух за долгие столетия проделали разрушительную работу, и в настоящее время основание Вороньего Камня находится глубоко под водой. Процесс разрушения Вороньего Камня продолжается, и скоро от этого свидетеля седой старины не останется и следа.

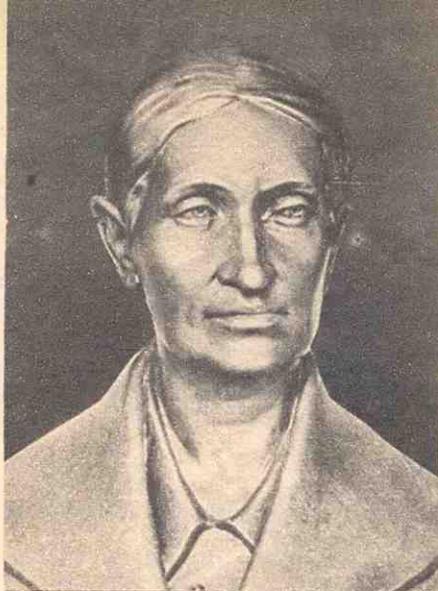
Очень важным для определения места Ледового побоища было изучение в Теплом озере, неподалеку от Вороньего Камня, «сиговицы» — участка озера, который зимой замерзает позднее остальной поверхности, и лед на нем остается непрочным и опасным для движения.

«Сиговица» хорошо известна местному населению. В так называемых Больших воротах — узком проливе, отделяющем Теплое озеро от Чудского, — течение такое бурное, что даже в январские морозы лед остается тонким. Образованию льда в этом месте мешают и грунтовые воды, температура которых зимой выше, чем в верхних слоях озерной воды.

Здесь, у Вороньего Камня и «сиговицы», на непрочном льду проваливались обратившиеся в бегство немецкие рыцари, закованные в тяжелые стальные кольчуги. Отсюда воины Александра Невского гнали остатки разбитого ливонского войска.

Успешное завершение работ экспедиции позволяет нам теперь с достаточной определенностью указать место, где в жестокой сече с врагом наши предки отстаивали честь и независимость своей родной земли.

Г. КАРАЕВ,
руководитель экспедиции

О. Ю. КОБЫЛЯНСКАЯ

Когда в 1940 году Буковина воссоединилась с Украиной, отряд советских писателей пополнился правдивым и мужественным бойцом — Ольгой Юлиановной Кобылянской. Имя ее и задолго до этого было широко известно как украинским, так и русским читателям. Первые произведения Кобылянской появились еще в 1894 году. Они сразу же обратили на себя внимание. В простых и задумчивых повестях «Человек», «Царевна» и других ощущалась любовь автора к простым крестьянам, бесправным, замученным, но исполненным чувства собственного достоинства и самой высокой порядочности.

В доме, где жила О. Ю. Кобылянская в селе Дымки, теперь открыт музей. Здесь хранятся мебель, вещи, которыми пользовалась Ольга Кобылянская: вышитое полотенце, кресло, пресс-папье...

И как только появится в Дымках новый человек, ему обязательно поведают историю повести «Земля»: в селе еще живы воспоминания о ее героях.

Рядом с музеем находится двор третьей бригады колхоза, которому присвоено имя писательницы. Метрах в трехстах от бригадного стана стоит старая хата.

— Вот там жил Константин Жижиан, — говорит бригадир Николай Федорович Сандуляк, загорелый, черноволосый. — Теперь там живет его внук, Иван Жижиан — сын Саввы. Того, о котором писала Кобылянская...

Мы идем к двору Ивана Саввича Жижиана. Из хаты слышим его бодрый голос:

— Заходите!

Как напоминает он старого Ивонику — героя повести! Вроде те же посеребренные волосы, те же внимательные глаза, та же теплая, добрая усмешка... Мы поинтересовались судьбой Саввы. И вот что услышали:

— Мой отец не мог жить в селе после того, что случилось. В 1909 году уехал он в Канаду. Батрачил у фермеров, находил случайные заработки в городе. В 1929 году вызвал к себе меня. Думал, вдвоем у нас лучше пойдут дела. Но и оба мы едва-едва перебивались: ходили от од-

Освобождение Буковины пришло тогда, когда Ольга Юлиановна Кобылянская была уже в преклонных годах и очень больна. Но и прикованная к постели, она чутко «прислушивалась к свисту горного ветра». В этих словах она хотела сказать, что свежий, вольный ветер освобождения в корне меняет жизнь ее родной Буковины, где отныне нет места «ни холопам, ни панам, ни угнетателям, ни рабам».

Особое сочувствие писательницы вызывали женщины-крестьянки. Дружба с ними питала ее творчество. Вот что говорит об этом сама Ольга Юлиановна:

«Я помню и никогда не забуду Флору из села Дымки, мою подругу Аницу из села Мамаевки. Они давно умерли и до самой могилы оставались такими же темными, какими родились на свет. По целым дням я просиживала с ними, заглядывая в их души, слушая их сердечные рассказы о непосильном труде, о семейных неурядицах. Это были благородные женщины с чистой, светлой душой. Их лица были покрыты глубокими морщинами, руки вечно в мозолях. Я познавала жизнь и народное горе именно из разговоров с ними, моими незабвенными подругами».

Село Дымки... Там писательница прожила много лет. Там произошла трагедия, которая легла в основу ее самого известного произведения — повести «Земля». В семье крестьянина Константина Жижиана младший брат убил старшего, чтобы после смерти отца завладеть всем его земельным участком. Вот факт, страшный, вопиющий. Но Ольга Юлиановна Кобылянская в своей повести вскрывает то, что стоит за ним. «Не для тебя, сынок, была эта земля, а ты для нее, — говорит она устами матери. — Ты ходил по ней, холил ее, а когда вырос и стал работником, она раскрыла свою пасть и проглотила тебя».

Иными словами: власть земли над крестьянином в капиталистическом мире столь велика, что может в любой момент сделать одного жертвой, другого — убийцей.

После 1917 года Буковина оказалась под властью румынских бояр. Ольга Юлиановна, оторванная от дружеской поддержки своих украинских и русских братьев по перу, писала не-много. Да и печатали ее мало и неохотно. Лишь в Советском Союзе не угасал интерес к ее творчеству.

Снова по-молодому бодро зазвучал голос О. Ю. Кобылянской лишь в 1940 году: она считала своим долгом откликнуться на каждое событие новой жизни своего горячо любимого народа.

Но вот над ее родиной вновь нависли черные тучи: гитлеровцы начали войну против Советского Союза. В первый же день войны она выступила на митинге перед трудящимися города:

«Сейчас, когда враг, как хищный зверь, напал на нашу родину, мы заявляем на весь мир: добытого счастья не отдадим никому».

Из-за болезни Ольга Юлиановна Кобылянская не могла эвакуироваться. Наступили дни оккупации. Писательницу вызвали в сигуранцу, ее запугивали, угрожали расправой, если она откажется подписать заявление о том, что ее принудили выступить на митинге.

Ольга Юлиановна с возмущением отвергла это предложение.

— Всю свою жизнь я не лгала. И перед смертью не совершу этого, — сказала она начальнику сигуранцы.

— Ну, тогда мы ускорим ее, — пообещал тот и передал «дело» в военно-полевой суд.

Украинские буржуазные националисты один за другим приходили к тяжело больной, престарелой писательнице, угрожали ей написать и напечатать в местной газете покаянное заявление, рисовали перед ней страшные картины суда и казни. Ольга Юлиановна оставалась непреклонной.

О. Ю. Кобылянская умерла 21 марта 1942 года. Но, как говорит, мертв тот, кто забыл. А память об Ольге Юлиановне Кобылянской сохранят ее книги. Не забудется и самый образ ее — правдивого и честного художника и человека.

ной фермы к другой, от одного завода к другому. И все тщетно. Хоть под поезд бросайся!

Однажды отец сказал мне: «Иван, слабею я с каждым днем. Невмоготу уж мне бродить с места на место». На окраине города Миклин я упросил фермера принять отца: он согласился работать за одни харчи. Старательно работал отец, так что фермер был доволен. И даже подарил ему несколько долларов под Новый год. На них отец купил часы с деревянной, старинной резьбы оправой. Резьба на них была буковинской. Она напоминала ему о далеком родном крае...

Не минуло и полугода, как отец тяжело заболел. Пришел я к нему. Вледный, исхудавший, лежал он на постели. Понял я, что дни его сочтены. И, как принято у нас на Буковине, спросил отца, чего же он желает перед смертью. Его ответ поразил меня:

— Найди человека, который прочитал бы мне книгу. Ту, что ты носишь с собой.

Перед отъездом в Канаду купил я в Черновцах повесть Ольги Кобылянской «Земля». При встрече с отцом в Канаде я рассказал ему, что привез книгу, в которой написано и о нем самом, и о деде, и о его брате Михайле. Тогда отец ничего мне не сказал. А вот теперь, перед смертью, вспомнил о книге.

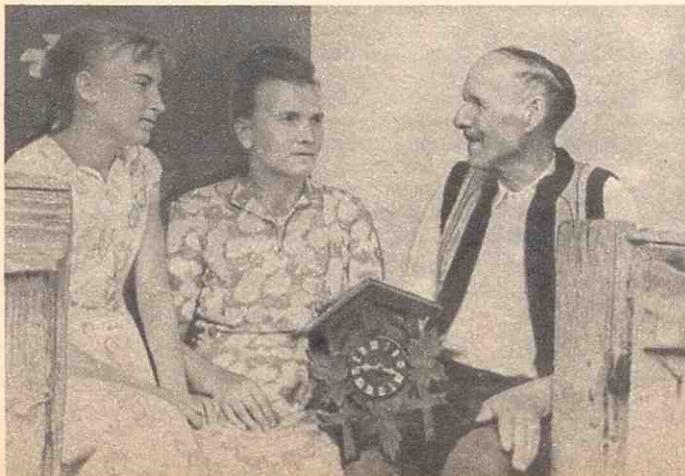
С большим трудом разыскал я эмигранта-украинца, умевшего читать. Три дня читал он «Землю» отцу. И я сидел и слушал. А когда книга была прочитана, отец подождал меня и тихо сказал: «Подходит мой конец. Приноси часы». Подал я их. Отец протянул их мне. «Это все, что передаю тебе по наследству. Больше у меня ничего нет...»

Похоронил я отца. А сам вернулся на Буковину.

Приходят к нам в Дымки люди со всех сторон, в музей Ольги Юлиановны Кобылянской. Заходят и ко мне. Я показываю им эти часы — память об отце — и всем говорю, что внуки Саввы не прольют крови из-за земли, потому что теперь она наша, общая.

В. БАБИЙ

Фото автора.

ДВЕ АРИФМЕТИКИ

Три года назад, вскоре после выступления «Крестьянки» с корреспонденцией «А женщины в обозе...», редакция получила ответ, из которого было видно, что правление колхоза «Коммунар», Баштанского района, Николаевской области, правильно восприняло критику.

В ответе, напечатанном на внушительном бланке и скрепленном подписью и печатью, сообщалось, что двенадцать колхозниц назначены на различные руководящие должности и что выдвижение женщин продолжается.

Официальным сообщением принято доверять. Но вот в редакцию недавно поступило письмо, вызвавшее в памяти афоризм Козьмы Пруtkова: «Если на клетке слона написано — буйвол, не верь глазам своим». Женщины в колхозе «Коммунар», говорится в письме, как были, так и остаются «в обозе»: выполняют самые тяжелые работы. А мужчины по-прежнему ходят в руководителях.

Неофициальные сообщения рекомендуются проверять. Производить проверку помогать не кто иной, как сам Иван Петрович Шукало — председатель колхоза «Коммунар».

— Во-первых, — сказал он, — за чужие орехи я не ответчик, три года назад я еще не был председателем!

Заметив, что слова его занесены в корреспондентский блокнот, Иван Петрович продолжал:

— Во-вторых, давайте перечитаем, что писалось в журнале...

А в журнале писалось, что женщинам в «Коммунаре» не дают ходу, что их всячески затирают, и даже приводились слова колхозного фуражира Семена Белика: «А шо такое баба?.. Тут иной раз, скажем, надо глотку драть. Или для пользы дела опять же выпить малость. А баба куда годится? У нас работа не городской чета, крутой у нее нрав-то. Такая, значит, арифметика...»

Перечитав корреспонденцию, Иван Петрович вытащил из стола большой лист бумаги.

— Вот, познакомьтесь, — предложил он. — Список женщин, занимающих в нашем хозяйстве различные командные должности. По-

смотрите и убедитесь, что заявление фуражира Белика отнюдь не выражает точку зрения правления колхоза.

В списке «командных» должностей значились: три учетчицы, пять работниц бухгалтерии, три кладовщицы, четыре продавщицы, два почтальона, одна акушерка.

Оставляя на совести председателя попытку выдать за командные должности писемосцев и акушерки, мы попросили его назвать хотя бы одну женщину — заведующую фермой или, скажем, бригадиром комплексной бригады.

— Чего нет, того нет! — развел руками Иван Петрович. — В журнале упоминаются слова доярки: «...нам бы Мазур в заведующие. Другая бы жизнь на ферме пошла». Так вот, Любови Ивановне Мазур много раз предлагалось заведова-

Оказывается, в позапрошлом году поставили заводить фермой честного человека — доярку Шуру Потепенко. Она круто взялась за борьбу с расхитителями кормов, но молодого бригадира никто не поддержал.

Правление же колхоза пришло к выводу, что Потепенко не сработалась с коллективом, и освободило ее от заведования фермой.

Не на поводу ли у «арифметики» Семена Белика пошло правление?

Ведь до последнего времени руководители колхоза почему-то терпели на посту главного бухгалтера беспробудного пьяницу и хапугу Блинцова. До сих пор терпят Прохорова. Он числится то заведующим, то бригадиром, то учетчиком. Словом, крутится в рукозодящем колесе. Между тем на всех должностях он дело проваливает, потакает расхитителям колхозных кормов.

Сейчас Блинцов получил по заслугам: сидит в тюрьме. Заменить главбуха предложили Вере Степановне

ся уметь и выпить малость и горло драть.

Правление колхоза давно должно было бы сделать необходимые выводы. Но, не зная, где искать замену, правленцы разводят руками. Они забыли о том, что добросовестных, способных женщин надо не просто выдвигать, а помогать им, поддерживать их, особенно на первых порах. Окажи они поддержку таким, как Потепенко, Мазур и другие женщины, которые отлично работают в колхозе, «незаменимых» мужчин с успехом можно было бы потеснить с командных вершин с большой пользой для хозяйства. Но в колхозе «Коммунар» этого пока не делают.

Надеемся, что правление колхоза, несомненно, серьезно задумается над проблемой выдвижения женщин. Но подумайте и вы, Любови Ивановна, и вы, Вера Степановна!

Вряд ли стоит давать простор и свободу разгильдяям, лодырям, пропойцам. Ведь дело не только в том, что лично вы будете хоро-

Рисунок В. МЕДВЕДЕВА.

ние фермой — отказывается, предпочитает оставаться дояркой...

Мы беседуем с Любовью Ивановной Мазур.

— Не приживаются у нас женщины в командах.

— Почему?

— А уж про то вы других спросите, хотя бы ту же Шуру Потепенко.

Барановой. Она давно работает в бухгалтерии колхоза и хорошо знает дело. Но Вера Степановна отказывается — ссылается на семью, на домашние заботы.

Так ли это?

Может быть, и здесь дело в том, что Баранова не в ладах с «арифметикой», по правилам которой требует-

шо работать. Важнее, что добросовестным трудом своим вы вытесните с руководящих постов приверженцев «арифметики» фуражира Белика. Это «арифметика» прошлого.

В. БЕЛЯЕВ

Колхоз «Коммунар»,
Баштанский район,
Николаевская область.

ЗАВОД В КОЛХОЗЕ

В колхозе «Россия» центнер свинины обошелся в 192 рубля, а государство платило за него 100 рублей.

— Долго ли будете работать в убыток? — спросили председателя колхоза Н. К. Павленко сотрудники Запорожского филиала Всесоюзного института электрификации сельского хозяйства.

— А что вы предлагаете? — ответил он вопросом на вопрос.

— Построить на вашей земле «фабрику мяса» — пункт откорма свиней. Выращивать животных не по-кустарному, как вы, — в клетках, а крупногрупповым методом. Да и кормить их по-новому. И корма доставлять не в ведрах. Тогда и свинина станет дешевой.

В конце первого же года, когда подвели итоги, выяснилось, что центнер свинины обошелся в 65 рублей.

За счет чего же произошло такое снижение себестоимости? На пункте откорма на центнер привеса затрачивают четыре человеко-часа, а в колхозе затрачивали раз в пятьдесят больше — свыше двухсот человеко-часов. На тот же центнер привеса и кормов уходит меньше. На пункте — 5,6 центнера кормовых единиц, в колхозе — 7—8 центнеров.

Зимой пункт откорма вмещает до десяти тысяч свиней, летом — до пятнадцати тысяч. Взрослое поголовье размещается на открытых, обнесенных барьерами площадках. А справляются со всеми делами всего лишь четырнадцать человек: зоотехник, семь свинок, в том числе подменная, чтобы каждая свинок раз в неделю имела выходной день, три человека в кормоцехе и три механизатора.

Пункт оборудован давно освоенными промышленностью машинами и механизмами, большинство которых хорошо знакомо работникам сельского хозяйства.

Механизированы три основные, наиболее трудоемкие операции: приготовление кормов, раздача их, уборка навоза. Механизаторы на тракторных прицепах и автомашинах привозят все необходимые корма и загружают ими бункера кормоцеха. Если для рациона нужен тот или иной корм, главный «повар»-механик поворачивает соответствующую рукоятку, и дозатор вываливает строго определенное количество в измельчитель. Предварительно корма не моют, не варят и не парят. Кормоцех готовит до ста тонн кормов в сутки!

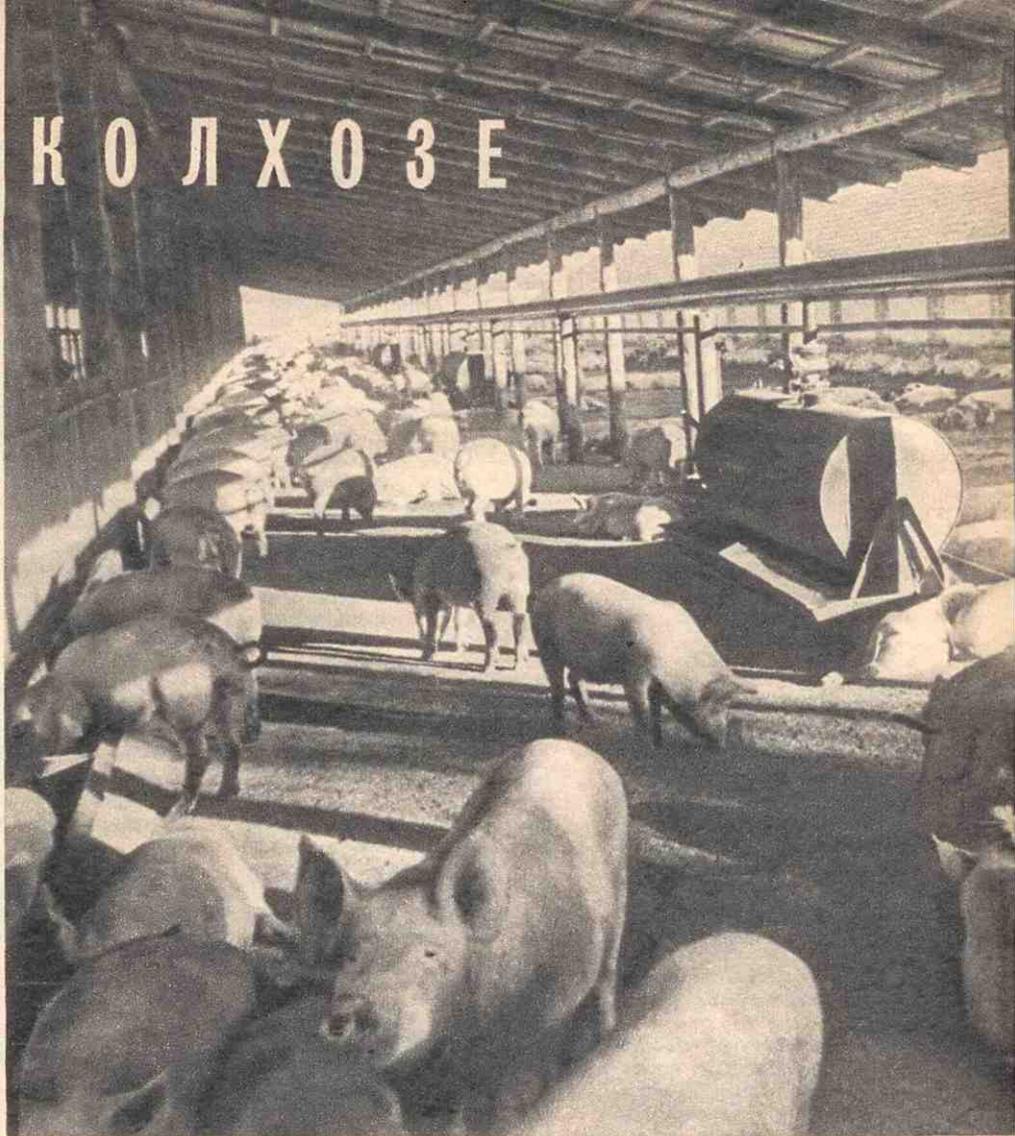
Измельченные корма поступают в расположенный в подвале смеситель, где, насыщаясь водой, они приобретают вид пасты — полужидкой, тягучей массы.

Теперь остается доставить пасту в свинок; их здесь шесть.

Подобно тому, как вода бежит по водопроводу, нагнетаемая насосом, паста идет по подземным трубам в вакуумные кормушки свинок, заполняя их одну за другой.

Свинок освобождена и от такой тяжелой обязанности, как уборка навоза. Летом его смывают брандспойтом, зимой сгребают бульдозер.

Откорм свиней рассчитан на четыре месяца. За это время вес животного с 30 килограммов должен повыситься до 90—95. Но пункт испытывает недостаток белковых кормов. Сотрудник Запорож-

ской областной сельскохозяйственной опытной станции А. П. Смирнов подсказал выход из положения. Он посоветовал выращивать дрожжи. Дрожжи, микроскопические растения, обладают прямо-таки удивительной способностью к размножению. Кроме того, они образуют полноценный белок, хорошо усваиваемый организмом животного. Вдобавок дрожжи содержат особые кислоты, которые способствуют росту животных.

Теперь в кормоцехе стоят четыре дрожжерастительных агрегата — круглые железные цистерны, оборудованные мешалками. В них льют воду, загружают дробленое кукурузное зерно или другой корм, добавляют минеральную подкормку, содержащую фосфор и азот, кладут дрожжи, прогревают все это паром. Происходит то же, что и в тесте, — дрожжи множатся. Спустя несколько часов хороший дрожжевой корм готов.

Не один колхоз «Россия» занялся выращиванием дрожжей в этом году. В Запорожской области немало таких установок. Неплохо, если этим методом воспользуются и в других местах и тем самым увеличат количество белка в кормах.

Ведь производить такой насыщенный белком корм можно из различных смесей. Стоит дрожжерастительный агрегат на пять-шесть тонн кормов не так уж дорого — рублей пятьсот — шестьсот.

Каждая свинок на откормочном пункте колхоза «Россия» обслуживает

1 700 свиней. Ей бы следить только за привесами. Ан нет. К сожалению, ей приходится пока отвлекаться, например, на такое дело. Вот к помещению, где работает Лидия Самсоновна Ковалова, подошла автомашина с поросятами, которых купили в соседнем колхозе. Лидия Самсоновна заглянула в кузов и всплеснула руками: «До чего же пестрое пополнение! Есть по тридцать килограммов и... по десять. И так почти в каждой новой партии. Как тут быть? И свинок начинает выбирать из стада заморышей, чтоб держать их отдельно, уделять им больше внимания.

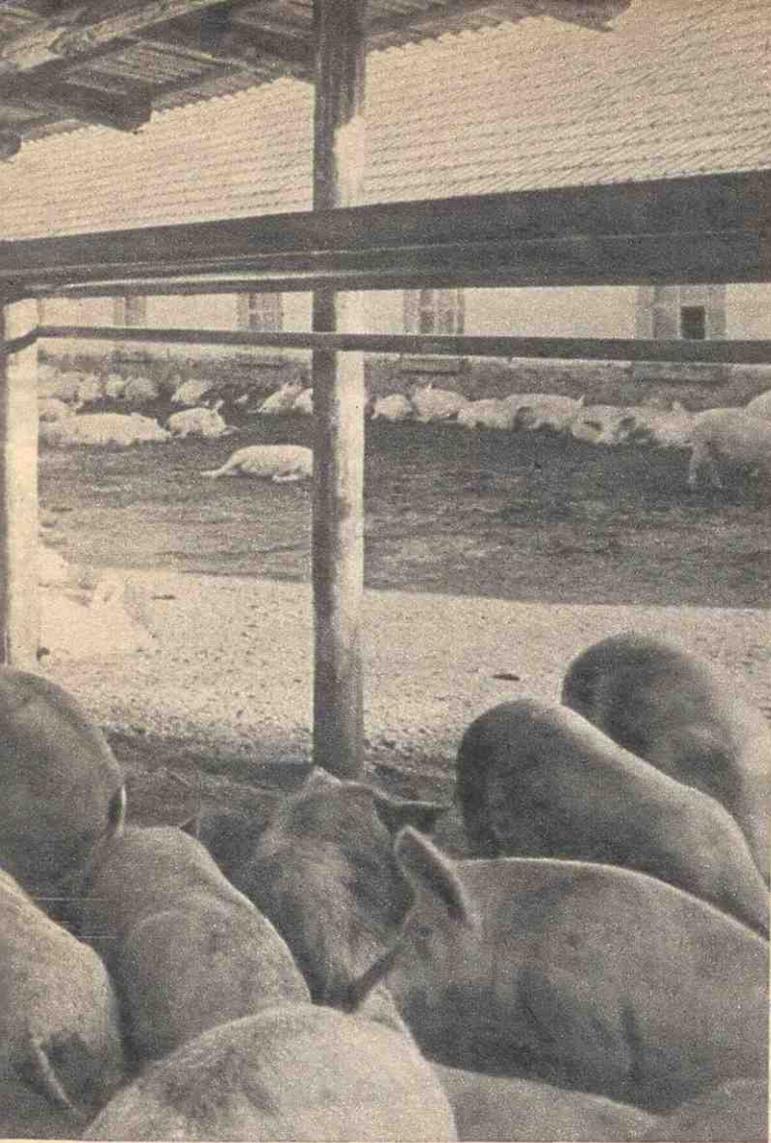
В самое ближайшее время поросят, покупаемых у других колхозов, начнут сортировать. Взрослых — на откорм, маленьких — в группу доращивания, где по возрасту им будет и рацион и уход. И только достигнув тридцати килограммов, они будут переходить на откорм. Вот тогда-то пункт заработает, как часы: каждые четыре месяца его «население» будет обновляться.

Пункт откорма обошелся в 462 тысячи рублей. Но в первый же год он дал 125 тысяч рублей прибыли. Свиноводство, в недавнем прошлом самая убыточная отрасль хозяйства, теперь становится прибыльным...

Я. КОРШ

Фото А. ШИШКИНА.

Ореховское производственное управление.
Запорожская область.

ГРАММ АНТИБИОТИКА — КИЛОГРАММ ПРИВЕСА

Было замечено, что некоторые ткани животных и растений, грибки и бактерии вырабатывают особые вещества, которые способны бороться с вредными микробами. Эти вещества называли антибиотиками.

Антибиотики взяла на вооружение медицина. Если человек заболит, скажем, воспалением легких, ему вводят сильнодействующий антибиотик—пенициллин. Он уничтожает микробы, вызывающие воспалительный процесс.

Но антибиотики не только лечат и предохраняют человека от болезней. Исследования показали, что их выгодно применять в животноводстве. Они влияют на обмен веществ животного, корма усваиваются лучше. Отсюда — усиленный рост организма.

Поросенок, получающий антибиотики, за два месяца выращивания под маткой дополнительно прибавляет в весе полтора и более килограммов. От каждой свиньи получают добавочно от 9 до 16 килограммов мяса. Хорошо скармливать антибиотики телятам, ягнятам, птице. Грамм антибиотиков, введенных в организм животного, помогает получить дополнительно около килограмма мяса.

Кормовые антибиотики биомицин и тетрациклин стимулируют рост всех животных. Пенициллин лучше влияет на поросят и цыплят, особенно в ранний период их развития. Тетрациклин выгоднее давать при откорме и дорастивании животных, так как он не только ускоряет рост, но и повышает отложение жира.

Кормовые антибиотики оказывают свое действие только в том случае, если их дают животным регулярно. Дозы их применения — половина миллиграмма на килограмм веса животного. За один-два дня до убоя прекращают давать антибиотики. При недостаточном кормлении антибиотики полностью не проявляют своих ценных свойств, а лишь несколько улучшают усвоение корма и предупреждают заболевания.

Сейчас во многих республиках строятся предприятия по производству кормовых антибиотиков. Создаются также и межколхозные заводы, колхозные и совхозные биоцехи. Только в колхозах и совхозах Белоруссии, например, имеется 14 биоцехов.

Любое хозяйство, испытывавшее хоть однажды кормовые антибиотики, уже никогда не откажется от них.

И. СУПРУНЕНКО, зоотехник

В недавнем прошлом считалось, что кукурузные стержни — это отход, годный лишь на топливо.

Однако совхоз «Хуторок», Краснодарского края, пришел к другому выводу: кукурузные стержни — отличный корм. В одном их центнере — около 35 кормовых единиц, содержащих полтора килограмма переваримого протеина, двадцать граммов кальция и фосфора, двести миллиграммов каротина.

Конечно, скармливают животным не одни стержни, а в смеси с другими веществами. Поэтому

КУКУРУЗНЫЕ СЕРЖНИ

стержни на машине «ДКУ-1,2» размалывают. Затем они поступают в смеситель, куда подают растворенный карбамид с патокой (мелясзой).

Совхоз «Хуторок» разработал и другую рецептуру питательной смеси: размолотые кукурузные стержни — 60 процентов, лузга подсолнечника — 10, патока — 10, кукурузная дерть — 7, сенная мука — 7, соль — 2, мел — 1, костяная мука — 1, карбамид — 2 процента. Взрос-

лым животным дают 5—6 кг, молодняку — 3—4 кг. Такая кормовая смесь составляет 30—40 процентов рациона крупного рогатого скота.

Килограмм этой смеси стоит совхозу всего полторы копейки. Поэтому центнер привеса обходится недорого — 43 рубля. За последние три года такие смеси были использованы для откорма более 25 тысяч голов крупного рогатого скота.

Можно, понятно, соста-

вить кормовые смеси и в другой пропорции. Хозяйство, вырабатывая рацион, должно учесть, что кося скот хорошо поедает лузгу подсолнечника, но более 10 процентов ее нельзя вводить в смесь, так как она трудно переваривается животными.

П. КОТОВ, Герой Социалистического Труда, заведующий Краснодарским опытным пунктом Всесоюзного научно-исследовательского института мясной промышленности.

ОДИН РАВЕН ДВУМ

— Разве один центнер соломы может быть равен двум? Что за удивительная арифметика! — воскликнет читатель.

— Может!

Лишь половина содержащихся в соломе питательных веществ усваивается животным.

Удвоить питательную ценность соломы помогает — кальцинированная (стиральная) или каустическая сода, известь.

На обработку центнера соломы требуется четыре-пять килограммов соды, которую растворяют в 80—100 ведрах воды. Этим раствором смачивают плотно утрамбованную солому, укрывают ее сухой соломенной резкой. Когда применяется кальцинированная сода, температура соломы повышается до 40—45 градусов. На четвертый или пятый день после этого солому скармливают животным. При использовании каустической соды обработка соломы длится часов десять.

Неплохо обрабатывать солому известью. На центнер соломы расходуют

три килограмма негашеной извести или девять килограммов известкового теста. Их растворяют в 25 ведрах воды и добавляют около килограмма поваренной соли. Раствор наливают в цементированную яму или в ящик. Погружают в него на 5—10 минут соломенную резку, вынимают ее, кладут следующую порцию и т. д. Сутки спустя солома готова к скармливанию.

Л. НИКОЛАЕВА, старший научный сотрудник института кормов

ДОСТОЙНЫ ПОДРАЖАНИЯ

Ты еще учишься в школе, у тебя есть дневник, отметки в котором проверяют твои родители. Тебя еще не считают человеком, полностью отвечающим за свою жизнь, но твой характер почти сформировался...

Можно, например, сделать вид, что ты вовсе не заметила, как трудно этой немолодой женщине нести ведра, до краев наполненные водой, и с озабоченным видом пройти мимо, но можно пересечь улицу и подбежать к ней.

Надя Диденко немножко не рассчитала, и вода перелилась через край, потекла веселыми ручейками по пыльной тропинке. Девушка опрокинула ведро под яблоньку. И побежала за новым.

В свои 16 лет Надя уже надежный человек, с большим чувством ответственности перед жизнью.

Школьная бригада пропала кукурузу. Ранним утром была переключка. Обнаружилось — половина ребят

Хорошие вести! Нынешней осенью Надя стала студенткой Харьковского политехнического института. В родной дом регулярно приходят письма из Харькова.

Фото С. ВЕТЧИНИНА.

не явилась: испугались солнца. У Нади в этот день сильно болела голова. Но девочка лишь считанные минуты отдыхала в тени. Иначе поступить она не могла.

За партой отличница Надя сидела совсем не с той девочкой, с которой дружила. Почему? «Этой я нужнее», — просто объясняла Надя.

Бывало, она прибежит домой и прежде всего спросит: «А где Толя?» Если первым домой придет ее младший брат Толя, то бабушка услышит: «А где же Надя?»

Были они неразлучны.

Толя, высокий, ладный паренек с веселыми синими глазами, считается в школе среди ребят самым справедливым. Он никогда не врет, даже в тех редких случаях, когда Надя попросит его: «Ну что особенного, если скажем, что были в другом месте», — Толя всегда остается неумолим. «Нет, я скажу правду. Зато к нам с полным доверием, а мы будем врать... Нет».

Однажды класс, в котором учился Толя, по всем показателям выходил на первое место. Как вдруг

чья-то грубая выходка помешала этому.

В конце концов после длительных прений, в которых принимали участие представители соревнующихся сторон, стали склоняться к выводу, что случай этот единичен и класс заслуживает первенства. Тогда встал Толя и непримиримо сказал: «Что заработали, то и ставьте. Снисхождения нам не нужно».

О брате и сестре Диденко не раз писала районная газета: то упоминали Надю, которая вырастила много кроликов, то Анатолия, что посадил много деревьев.

Не привыкли руки их к праздности.

Подытоживая характеристику Толи, в которой были такие слова, как «добрый, открытый, скромный», его школьный учитель, Тимофей Порфирьевич, заметил: «Что и говорить, весь в батьку. Есть с кого брать пример».

Каждый подросток встречается в жизни с решительной минутой, когда он должен выбрать, как ему жить дальше: быть верным высоким идеалам или отказаться от их нелегкого груза... И очень важно, кто будет рядом с ним в эту минуту, кого он возьмет как образец для подражания. Рядом с Надей и Толей наверняка окажутся отец и мать: Алексей Федорович и Ольга Андреевна Диденко.

* * *

Алексей Федорович Диденко был талантливым командиром. Однажды ему сказали: «Проведешь этот

бой и поедешь учиться в академию». В том бою двадцатилетнему Алексею оторвало обе ноги. В условиях переднего края операция с интервалами длилась два дня. Десять суток Алексей лежал без сознания... Очнулся он в далеком уральском госпитале...

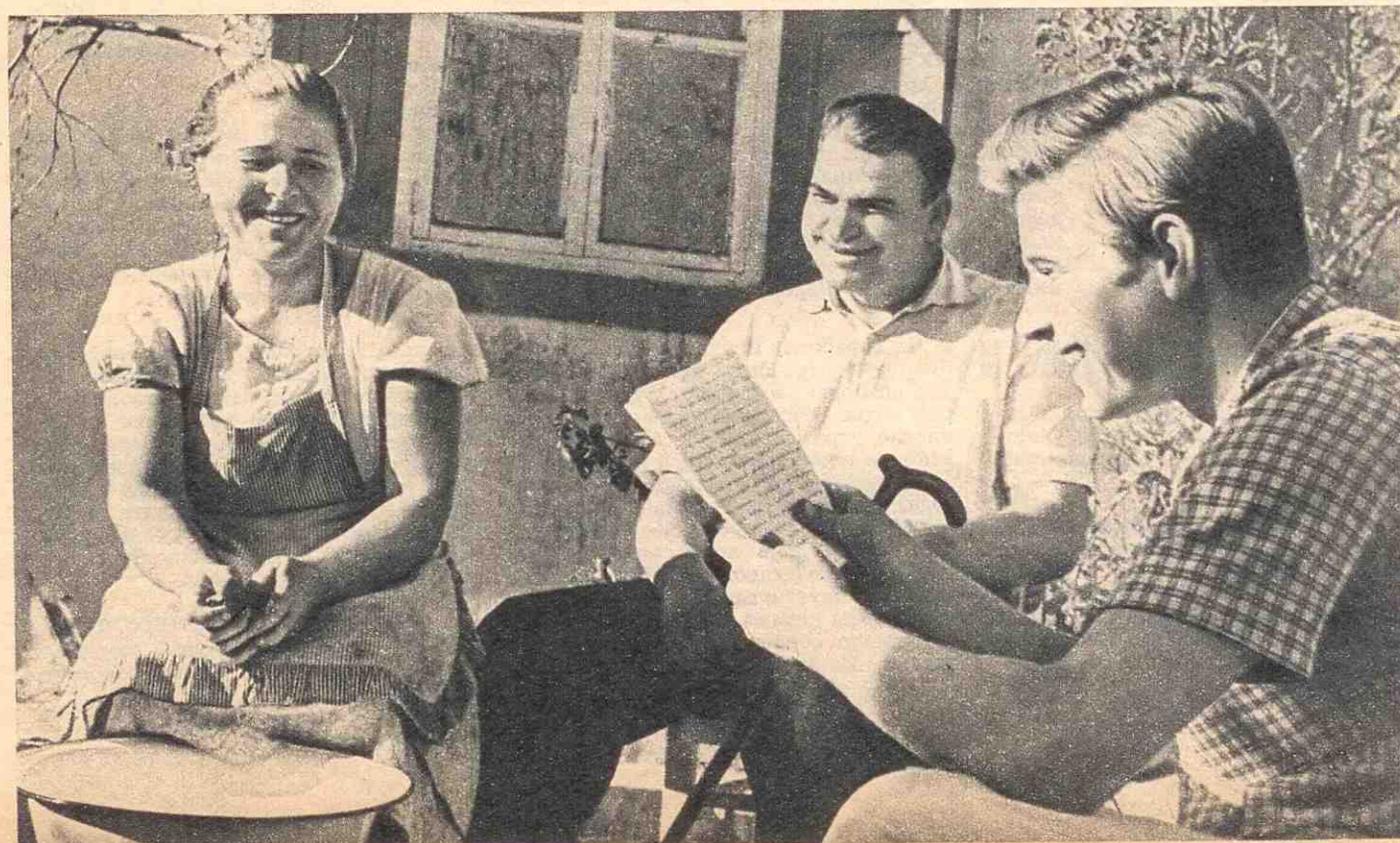
Ольга Андреевна незадолго до войны окончила школу медсестер. Профессия ее была самой мирной: она принимала новорожденных. В первые дни войны Ольга стала медсестрой сестрой военного уральского госпиталя. Вместо взволнованных, радостных лиц отцов, дежуривших под окнами роддома, — тоже мужские лица, но с печатью тяжких страданий.

С одним из эшелонов в госпиталь поступил Алексей Диденко. Он занимал почти целиком носилки, а Оля уже знала, что ног у него нет. «Какой высокий был!.. — печально подумала она. — И танцор, наверно, хороший».

«Это была любовь с первого взгляда», — утверждает теперь Ольга Андреевна.

Алексей выздоравливал медленно. Он так хотел работать! В госпитале были организованы курсы портных, счетоводов, сапожников. Алексей овладел всеми тремя специальностями. До сих пор у него хранятся удостоверения на право быть сапожником, портным и счетоводом.

Об их любви знали все, но никто не задумывался о том, что же будет с молодыми людьми дальше. И почти всех поразило, когда Оля пришла к начальнику

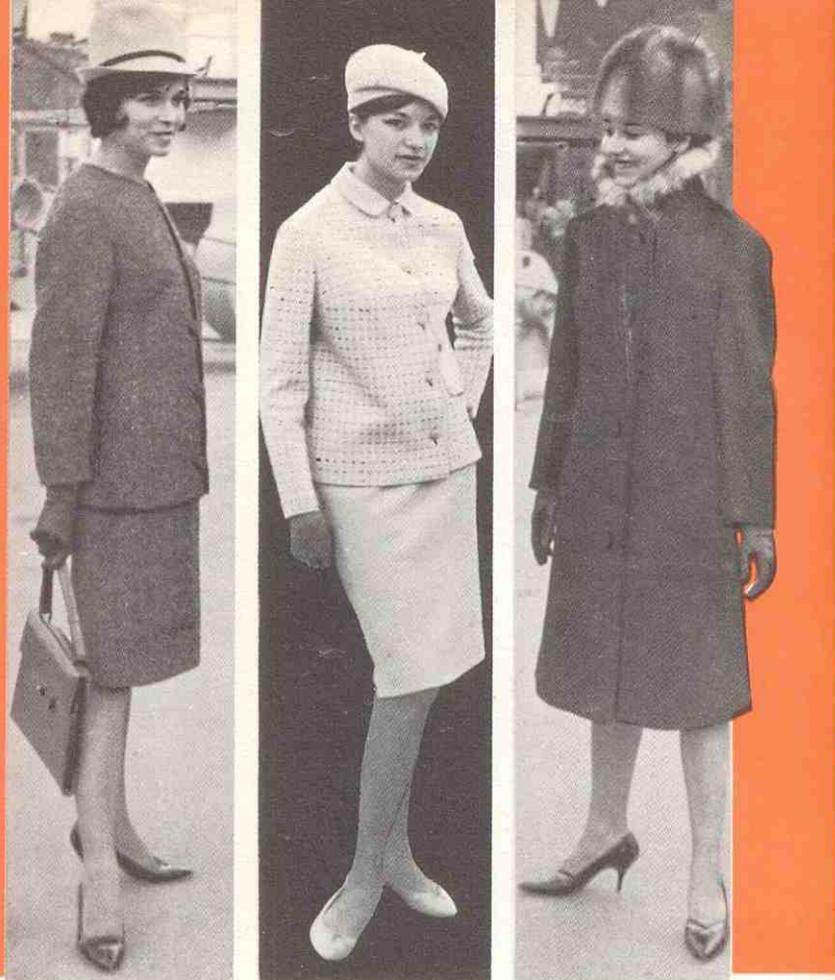
МОДЫ БОЛГАРИИ

На выставке Болгарской Народной Республики, проходившей в Москве, каждый день в специальном павильоне демонстрировались модели одежды, которые в 1964 году поступят в массовое производство болгарских фабрик. «Каково основное направление болгарской моды предстоящего сезона?» — спросили мы художника выставки Асена Котева.

— Прежде всего, — ответил художник, — должен отметить, что наши модельеры при разработке новых фасонов учитывали, какие ткани выпускает отечественная промышленность. В основном это хлопчатобумажные ткани, чистые и с примесью льна, вискозы, лавсана. Из этих тканей, однотонных, светлых, мы предлагаем модели юбок и блузок спортивного образца, платьев для работы и для дома, плащей. Наша промышленность выпускает и большое количество облегченной шерсти, в том числе шерсти с примесью синтетических волокон. Из этих тканей хороши ансамбли одежды, например, юбки, блузки и жилеты разных, но гармонично сочетающихся цветов. В ансамблях широкое применение нашли и ткани в клетку.

Мы стремимся создать такие модели, в которых бы сочетались красота, удобство и простота. По-прежнему рекомендуем юбки прямого или чуть расклешенного покроя. Платья — приталенные, с широким лифом, с напуском. У нас в стране получили распространение блузки и платья с мужскими воротничками, с манжетами на запонках.

В заключение нашей беседы Асен Котев выразил надежду, что модели одежды из коллекции, демонстрировавшейся на выставке, понравятся советским женщинам.

Цена номера 10 копеек.

Индекс 70434

